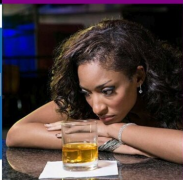
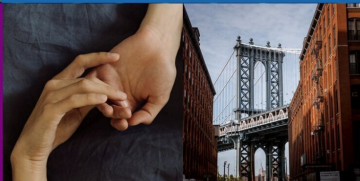
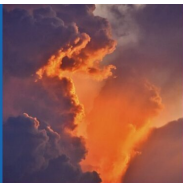

18+

Умная, ироничная,
заставляющая думать
история о любви
и отчуждении в нашу
цифровую эпоху
СЕЛЕСТА ИНГ

НОВЫЕ

ВОЛНЫ

роман

КЕВИН НГУЕН

Кевин Нгуен

НОВЫЕ ВОЛНЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68331947

Новые волны:

ISBN 978-5-86471-905-3

Аннотация

Лукас и Марго сыты своим жалким существованием по самое горло. Марго – блестящая программистка, но ее главная роль – роль единственного чернокожего сотрудника в компании, где она работает. Таких, как Лукас, в компании, напротив, полно. Он из тех азиатов, мелких служащих из отдела техподдержки, которых никто не замечает. Он невидимка. Вместе они решают украсть базу данных пользователей – исключительно ради мести. Но ограбление принимает дурной оборот... Ироничный и теплый роман о токсичной жизни стартапов, о пустоте социальных сетей, о дружбе и ее виртуальных суррогатах, о том, как обрести обычную человеческую близость в мире, одержимом технологиями.

Содержание

I	5
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кевин Нгуен

НОВЫЕ ВОЛНЫ

NEW WAVES by KEVIN NGUYEN

Copyright © 2020 Kevin Nguyen

© Ксения Чистопольская, перевод, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

Посвящается Эндрю

Опасно в пути одному. Возьми это!
«Легенда о Зельде»¹

---

¹ Серия видеоигр, выпускаемых компанией *Nintendo*, от геймдизайнера Сигэру Миямото. Первая игра появилась в 1986 году. – *Здесь и далее примеч. перев.*

I

Нью-Йорк, 2009

Я совсем не считал это воровством. Будь это воровством, оно бы и *ощущалось* воровством – незаконным, опасным, может, даже чуток захватывающим. Вместо этого ощущение было совсем другое – будто сидишь в темной комнате и смотришь, как медленно ползет по экрану полоса загрузки.

Воры вроде как должны обладать ловкостью карманника или терпением, чтобы спланировать настоящее ограбление. Мы же просто немного выпили «У Макмануса», в баре за углом, где и решили, что это лучший способ отомстить нашему работодателю. Ну, Марго так решила. И, по факту, она уже не работала в «Нимбусе».

Днем она скинула мне из бара сообщение, что уволилась. Марго требовался собутыльник, и я всегда был рад услужить. Я ускользнул из офиса, пока никто не смотрел, хотя в действительности на меня никто никогда не смотрел. К тому моменту, как я появился в баре, она уже выдула три бутылки, они аккуратно выстроились перед ней, этикетки тщательно соскоблены – ни следа бумаги или клея. Она ничего не сказала, просто дала знак бармену принести еще две.

Я сел напротив Марго, и она напряглась. Я знал ее достаточно долго, она часто злилась, но то была хорошая злость,

пылкая, заразительная ярость – острая, смелая, с верной долей сарказма, направленная на социальные нормы, устройство общества, угнетателей. Люди у власти ее не пугали. Напротив, они только подстегивали Марго, поскольку были достойны ее гнева. Ну, если, конечно, она не слишком увлеклась выпивкой, тогда под ее прицелом мог оказаться кто угодно. Еще два пива, и она призналась, что уволилась не совсем по своей воле.

– Да ты гонишь? – удивился я. – Ты ведь единственный толковый айтишник во всей компании!

– По мнению отдела кадров, я недостаточно «вписалась в культуру». «Не ладила с остальной командой». – Марго принялась соскребать этикетку с новой бутылки пива. – Но это полная хрень. Я знаю, что это значит.

Даже со своего рабочего места в другом конце зала я слышал, как Марго спорит с коллегами. Она не верила в сотрудничество, если оно требовало отказаться от лучшей идеи. Марго была блестящим программистом, но никто не желал к ней прислушиваться.

Марго продолжила: «несговорчивая», «категоричная», «не командный игрок». Смешно, как их доводы рифмовались с затасканными клише школьного футбольного тренера. Для нее, да и, думаю, для меня это свидетельствовало об особой лености ума, взращенной капитализмом, – конкуренция, конечно, превыше всего, но никаких конфликтов.

– Они хотя бы предложили тебе выходное пособие?

– Я уволилась, прежде чем они это сделали, – ответила она. – Вежливо послала их на хер.

Мне стало любопытно, как далеко зашла Марго в своей вежливости.

– В любом случае, не хочу я их сраных денег. Мне есть на что жить. Я крутой системщик, меня везде с руками оторвут. Может, год отдохну, чтобы забыть обо всем этом.

Марго нередко высказывалась о деньгах так откровенно. Меня это напрягало, ведь она знала, что я зарабатывал меньше нее. Но Марго хотя бы всегда платила за выпивку. Я тактично тянулся за кошельком, а она отмахивалась, буркнув обычное «Я заплачу» или «Ты что, охренел». Однажды, лишь однажды, когда Марго сильно наклюкалась, она пошутила, что позволит мне угостить ее пивом в тот день, когда ее зарплата не будет в два раза больше моей. (Вообще-то она была больше раз в пять, но я Марго не поправил.)

Сегодня она не платила. Сегодня она хотела только возмездия. За первыми тремя бутылками пива Марго обдумывала способы отомстить «Нимбусу». У нее уже имелся план.

– Что больше всего ценится в любой компании? – спросила она.

– Ну... деньги?

– Нет, Лукас, что ценнее денег?

Вопрос был, похоже, с подвохом.

– Код?

– Данные, – объявила Марго. – Ее мы у них и заберем.

– Разве это не воровство?

Марго ткнула в меня бутылкой.

– Как насчет копирования?

Вот в чем заключалась ее идея: «Нимбус» владел мессенджером с базой на миллион пользователей, ее-то Марго и собиралась прикарманить. Она легко могла скопировать ее на флешку всего за несколько минут. Только адреса электронной почты. Ни паролей, ни личной информации.

– Кому нужны электронные адреса?

– Миллионы адресов, – уточнила Марго. – Любая компания убить готова за список людей, которые пользуются продуктом соперника.

– Зачем?

– Реклама, рассылка, да мало ли для чего еще. – Марго развела руками, будто исполнила самый грустный в мире фокус. Как-то она упомянула, что знает человека из «Фантома», главного конкурента «Нимбуса». Исполнительного директора. Может, его это заинтересует.

– Плохая идея, – сказал я. – Аморально. Неправильно.

– С чего вдруг это аморально и неправильно?

– Потому что мы заберем то, что нам не принадлежит.

– Лукас, послушай меня. – Марго в упор посмотрела на меня. – Нам вообще ничего не принадлежит.

Дело в том, как она произнесла это «нам». Имела ли она в виду сотрудников «Нимбуса»? Или всех неудачников этого мира, где благоденствуют богачи? Или просто двух конкрет-

ных небелых американцев – то есть меня и себя?

Без разницы. Марго уже все решила, а я на три бутылки пива отставал от нее и лишь пытался наверстать разрыв. Но у меня, разумеется, имелись вопросы, которых она ждала и над которыми раздумывала, пока пила без меня.

Пользовательские данные наверняка защищены каким-нибудь несложным шифрованием, но доступ к ним имеется у всех системщиков. Обычная проблема стартапов. Когда начинаешь проект с небольшой командой программистов, безопасность точно не на первом месте. Задача – создать что-то как можно быстрее, так что никого не нанимают, чтобы защитить конфиденциальность пользователей. Даже когда стартап разрастается и выходит на уровень, позволяющий платить за безопасность, к ней все равно относятся как к чему-то не особо важному.

И все же я был настроен скептически.

– А они никак не смогут вычислить, что это мы?

– Останется запись о входе. Но если они решат преследовать нас, им для начала придется признать факт утечки данных.

Марго мыслила как истинный системщик. И считала, что в каждой системе можно найти уязвимость, если понять мотивы тех, кто ее создал. Она могла разобрать, дизассемблировать, и вновь скомпилировать что угодно, включая человеческую гордыню. Брешь в защите стала бы кошмаром «Нимбуса» и ее владельцев. Марго знала, что может исполь-

зовать их главный страх – перед позором.

Странно, что репутация по части безопасности компании оказывалась важнее самой безопасности. Но после года в «Нимбусе» – моей первой серьезной работы вообще и в технологической компании в частности – это меня не удивляло. Никогда не верьте, что ваша личная информация под защитой компании. Тут рулили двадцатилетки безо всякого опыта да горстка напыщенных и мало что смыслящих в программировании старперов, нанятых, чтобы нянчиться с первыми.

Офисное пространство было самым заурядным, если не считать яркой мебели и пошлых кинопостеров – ради поддержания «прикольной» рабочей обстановки. На кухне – пивной кран и запас сэнэков. На столах сотрудников валялись фигурки супергероев и игрушечные бластеры *Nerf*². Конференц-зал оснащен игровыми приставками. Очевидно, инвесторам такое нравилось. Они появлялись в офисе раз в несколько месяцев – проверяли, как «Нимбус» претворяет в жизнь затасканный слоган «круто играешь – круто работаешь», даже если это означало, что офис смахивал на игровую комнату восьмилетки.

От всей этой безвкусицы, в общем-то, не было вреда, и ее легко удавалось игнорировать. Но офисная жизнь вращалась вокруг настольного футбола. В него резались посреди рабочего дня, и весь этаж слушал, как четверо потных мужиков

---

² Компания, с 1969 года занимающаяся разработкой игрушечного оружия.

хрипели и вопили. Марго шутила, что со стороны это выглядит так, будто четверо дробят в ящик. Нас с Марго никогда не приглашали сыграть в настольный футбол. Да мы бы и не согласились.

– Найдем себе работу получше, – заявила Марго. – Не такую отстойную.

– А существуют не отстойные технокомпании?

– Не знаю. Может, я... уеду в Токио. Начну сначала на другом конце земли.

– Почему в Токио? Ты даже из Нью-Йорка уезжать не любишь...

– Лукас, суть в том, что нам надо что-то изменить, – сказала Марго, – что мы *можем* что-то изменить.

Я не ненавидел нашу работу так ярко, как Марго. В конце концов, это же работа. Но мне не нравились ни коллеги, ни сам офис, и задор Марго оказался заразителен.

– Никому в «Нимбусе» нет до тебя дела, – продолжала она. – Никому, кроме меня.

Поскольку я не умел кодировать, в этом мире я не представлял ценности для компаний вроде «Нимбуса». В Нью-Йорк я перебрался сразу после колледжа. Несколько месяцев пытался найти постоянную работу и, по сути, так ее и не нашел. Я работал в службе поддержки. Мне платили минимальную зарплату за то, чтобы я отвечал на нескончаемый поток писем строго тридцать пять часов в неделю, и потому не мог претендовать ни на какие льготы. Я едва мог позво-

лить себе жильё.

А потом, к моему удивлению, Марго сказала:

– Я сделаю это, только если ты со мной.

Я-то думал, Марго уже все решила. Но ей нужен был я. Во мне разлилось глубочайшее удовлетворение, зародившееся где-то в животе, стоило представить, как я выхожу из офиса «Нимбуса» в последний раз. Я полагал, что прощание с прежней жизнью и переезд в Нью-Йорк станут каким-то особым событием, что я почувствую перемену. Но вся эта мишура – бесплатные сэнки, настольный футбол и фальшивые лозунги о всеобщем благе – попросту прикрывала тот факт, что я мог бы остаться дома и получать столько же, если не больше. «Счастливыми» часами в офисе и чушью о том, что мы не сотрудники, а семья, компания дурила мне мозги; будто считает меня ценным сотрудником – чтобы не обращаться со мной достойно. Все это я и так знал, но в изложении Марго эти мысли прозвучали безоговорочно убедительно.

– Ладно, давай, – согласился я. – Пусть идет в жопу этот «Нимбус».

– Пусть идет в жопу все, кто нас не уважает. Каждый мужик, что не отнесся к моему мнению всерьез, потому что я – женщина. И особенно каждый белый придурок, подкатывавший ко мне с разговорами про хип-хоп.

– В жопу всех, кто принимал меня за айтишника только потому, что я азиат. И в жопу всех айтишников-азиатов, которые вели себя со мной так, словно я мусор, потому что я

не айтишник, будто каждый азиат должен им быть.

Марго подхватила:

– В жопу каждого, кто подваливал ко мне с вопросом, не расизм ли то и это, точно я нанялась быть барометром расизма.

(– К тому же обычно это и был расизм.)

(– О, ну разумеется.)

– В жопу всех, кто говорил мне, что я «агрессивна» и «враждебна», лишь потому, что я черная и имею свое мнение.

– В жопу все совещания, на которых меня игнорировали, а потом заявляли, что я должен «высказываться» и «быть понапористее». В жопу их снисходительный тон, когда они заговаривают со мной. И в жопу их еще более снисходительные, пассивно-агрессивные письма.

– О, и в жопу ту конченую расистку-менеджершу, которая вечно просила меня устроить очередное мероприятие, этакое празднование различий, будто мне заняться больше нечем.

(– Разве она не пуэрториканка?)

(– Доминиканка, кажется. Но это все равно отстой.)

Марго чокнулась своей бутылкой с моей, и вопрос был закрыт. Мы решили вернуться в офис поздно вечером, когда все уже разойдется. А пока продолжили убивать время в баре – проторчали там еще шесть часов, коллекционируя бутылки с соскобленными этикетками и перебирая всех, кто

еще должен отправиться в жопу.

Многие считали Марго успешной. Ее вырастила мать-одиночка, бедная, но правильная. Марго никогда не попадала в неприятности, хорошо училась в школе, поступила в университет на почти полную стипендию. После окончания она сразу устроилась инженером по обслуживанию серверов, с отличной зарплатой. Все, чего она могла достичь, она достигла, и с лихвой. Но ей было плевать на успешность, хотя она и обрела свое место в сфере, в которой практически нет людей, похожих на нее. Она все равно чувствовала себя отщепенкой.

– Как ты с этим справляешься? – спросила она, уже с трудом ворочая языком.

Я слышал эту речь уже много раз, особенно когда Марго допивалась до определенной стадии: впадала в мрачную задумчивость и заводила многозначительные монологи.

– Знаешь, Лукас, быть черной в Америке означает постоянно сознавать, кто ты, – заявила она, словно никогда не говорила мне этого прежде. – Люди постоянно напоминают тебе, что ты черная. А если нет, уж лучше тебе самой помнить об этом.

Она не могла избежать этого разговора, когда напивалась, а с ней и я.

– Быть черной значит, что ты – лишь тело, хрупкое тело. Быть черной – самая приземленная форма бытия, это землянин самого низшего уровня в глазах других людей.

Даже смешно, сколько раз я слышал эти ее слова о том, что быть черной все равно что быть инопланетянкой. Марго обожала научную фантастику.

Я знал, что лучше всего дать ей выговориться. Но сегодня – вероятно, тоже под влиянием алкоголя – я завелся в ответ.

– Ты хотя бы американка, – сказал я. Возможно, это была жалкая попытка заставить ее изменить направление беседы. Возможно, я лишь хотел, чтобы она увидела во мне равного. – Черные на телевидении, в музыке, в политике – повсюду. Азиаты – иностранцы, чужие с другой планеты. Мы с таким же успехом могли быть невидимками.

Ее реакция меня удивила. Она могла в два счета затмить меня в споре – и знала это. Но Марго не только прислушалась, но и позавидовала мне.

– Представь – возможность исчезнуть. Я бы отдала все за день, когда мне не нужно напоминать себе, кто я. – Марго схватила меня за плечи и слегка встряхнула. – Если бы существовала машина для обмена телами, я бы поменялась с тобой местами прямо сейчас, Лукас.

Мы заплатили по счету и собрались уходить, и я знал, что она скажет напоследок.

– Я была бы парнем-азиатом, слонялась по миру, никто бы меня не замечал и не доставал.

Подлинная дружба – это пьяный обмен телами.

Люди говорят об алгоритмах словно о магии. Легко по-

нять почему. Алгоритмы управляют тем, что нам показывает интернет, и будто состоят из заклинаний. Их механизмы действия туманны, и все же мы доверяем им. Алгоритмы для ответа на поисковые запросы; алгоритмы, подталкивающие нас купить что-то; алгоритмы, отбирающие для нас определенные новости. Даже когда сервис нас разочаровывает – поиск выдал ошибочный результат или рекомендация оказалась идиотская, – мы виним алгоритм. Нам нравится тыкать пальцем в компьютеры, ведь они не способны испытывать стыд.

Но алгоритмы не так уж сложны. Это лишь набор правил, серия вопросов с ответами «да» или «нет», которые задает компьютер, – примитивная логика, укладываемая в очень длинную блок-схему. Алгоритм берет не проникательностью, а скоростью. Поисковый запрос обрабатывает тысячи – черт, может, даже десятки тысяч – вопросов всего за несколько секунд. Ведь что мы ценим больше – скорость или качество?

Правда, мы никогда не интересуемся человеком, написавшим алгоритм. Мы никогда не спрашиваем, кто он, какие у него взгляды, ведь нам нравится считать, что технологии нейтральны. Искажения или погрешности не должны проникать в них, даже если авторы предвзяты или склонны ошибаться (как всегда и бывает). Алгоритм – это просто набор правил, которые выполняет система. Система, работающая споро и без предрассудков. Тысячи процессов за несколько

секунд – ведь все должно происходить быстро. Какие уж тут предвзятости. На них нет времени.

Марго часто объясняла мне, что небрежно написанный алгоритм легко может привести к росту мелких ошибок. И система уничтожит саму себя. Число неверных решений копится как снежный ком.

Но когда ставки не кажутся серьезными, плохое решение не выглядит угрозой. Оно может даже представляться забавным, как школьный розыгрыш. Так все и было.

Когда мы наконец прибыли в офис, я настоял на том, чтобы не зажигать свет, хотя Марго заметила, что мы будем выглядеть более подозрительно, если кто-то войдет и обнаружит нас буквально под покровом тьмы. Я кивнул и тут же пьяно рыгнул. Марго загоготала, и вскоре мы уже так ржали, что просто забыли включить свет, хотя только что согласились, что стоило бы. Я натыкался на стулья и столы на коротком пути к рабочему месту Марго, и всякий раз мои неуклюжие движения сопровождались сдавленным хохотом.

Как контрактный работник я должен был выметаться из офиса, оттарабанив свои семь часов. Я никогда не видел это помещение ночью. В темноте пространство казалось иным – в нем появилась глубина. Днем тут все заливал солнечный свет, стоял гул голосов. А теперь было тихо, разве что слегка жужжали в спящем режиме мощные стационарные компьютеры. Мне, наверное, полагалось нервничать, но в огромном безлюдном помещении я осмелел как никогда. Дело – раз

плюнуть.

Марго провела нас к своему столу. Ее вещи уже исчезли, но, слава богу, компьютер еще не убрали. Она включила его.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы написать скрипт, который скопировал бы всю пользовательскую базу компании, но на флешку информация сохранялась долго. Мы ждали, уставившись в монитор. Марго поглядывала в свой телефон, а я краем глаза следил за входом.

– Так вот чем ты занимаешься весь день, а? – спросил я, косясь на страницу фейсбука в ее смартфоне.

– Когда кодируешь, приходится долго ждать, – ответила она. – И много думать.

– Правда?

– Нет, просто тоска зеленая. Поэтому мне больше подходит преступная жизнь.

– Начинаю понимать, почему тебя уволили.

Минуты ожидания уже исчислялись десятками, прошел час. А потом и второй, и мы начинали слегка уставать друг от друга.

– Никогда... не скачивал базу данных на работе, – сказал я.

– Это другая игра.

– Ладно. Я никогда... не воровал.

– Повторяю, это не воровство.

– Я этого и не говорил. Я лишь сказал, что никогда не крал.

Марго опустила палец, и в игре «Я никогда» это означало, что она крала.

– Что ты украла?

– В университете, девственность как минимум двух белых парней.

Марго рассмеялась. Не знаю, понял ли я шутку, но рассмеялся тоже, сознавая, что смех мой звучит, скорее, встревоженно. Уверенность моя слабела по мере того, как я трезвел. Я думал, все произойдет быстро, что мы войдем и выйдем за несколько минут. Марго была до странности спокойна. Она велела мне уgomониться и продолжила читать что-то в телефоне.

– Так, кража в особо крупных размерах – это если украдено свыше тысячи долларов, – сказала она.

– Сколько, по-твоему, стоят пользовательские данные? – спросил я.

Марго снова рассмеялась и делано пожала плечами. Легче мне от этого не стало.

– Ты хоть знаешь, кому ты их продашь?

– Продам? Я не собираюсь их продавать.

– Тогда что мы будем делать со всей этой информацией?

– Это вроде страховки. От «Нимбуса». Чтобы не компостировали мне мозг.

Я запаниковал.

– Марго, ты сама напрашиваешься, чтобы они до тебя докопались.

– Мне нравится считать, что я бросаю им вызов.

– Ты совершенно не продумала...

– Просто доверься мне, – сказала Марго.

Она взяла мою руку и крепко сжала. Ее пальцы были мягкими, холодными, но, переплетенные с моими, постепенно согревались. Мы с Марго были близки настолько, насколько могут быть близки друзья, но за руки прежде никогда не держались. Ощущение было успокаивающим и очень интимным, и я не понимал, что это значит – да и значит ли что-то вообще, – и мы просто молчали, не подтверждая словами это наше прикосновение друг к другу. Я лишь знал, что не хочу отпускать ее руку.

В тот момент я и представить не мог, что через несколько месяцев Марго погибнет: ее собьет машина, совершенно нелепо, а мне придется нести двойное бремя – и ее потери, и того, что мы забрали. А еще позже я в полной мере осознаю: пусть наш поступок и казался обыденным, но от этого он не перестал быть тем, чем был, – воровством.

Весь следующий год я буду чувствовать себя потерянным без Марго. И, гадая, что мне делать со своей жизнью, буду вспоминать ту ночь, когда мы умыкнули данные «Нимбуса», как сидели в тишине, держась за руки, уставившись на индикатор копирования в ожидании того, с чем не в состоянии справиться, и наблюдали, как полоска медленно ползет к завершению.

ПОСЛЕДНИЕ.WAV

Мир гибнет, и остаются только двое выживших – мужчина и женщина. Они спасаются бегством на космическом корабле, который покидает атмосферу Земли за мгновения до того, как планета взрывается. Пока ракета летит сквозь космос, мужчина смотрит назад, наблюдая, как его обитель разваливается на куски. Пламя постепенно охватывает земной шар, и вот уже больше нечего поглощать: планета рассыпается на бесконечное число мелких осколков, которые летят во все стороны, стремясь в неизведанные пределы Вселенной. Мужчина плачет по потерянным миллиардам. Женщина смотрит вперед, вбирая взглядом безбрежность пространства.

Корабль со скоростью, превышающей скорость света, мчится сквозь Галактику. Проходят дни, хотя понятие дня уже давно потеряно. Женщина молится, чтобы они сели на обитаемой планете. Мужчина продолжает рыдать.

Наконец космолет затягивает орбита новой планеты. Выводит его на крутую траекторию. Система управления корабля повреждена гравитацией, и ракета стремительно падает. Космолет теряет управление, и пассажиры замирают в ожидании скорого конца. Но чудесным образом аппарат падает в воду. Двигатели разрушаются при ударе, но мужчина и женщина остаются целы.

Корабль приводнился в бескрайнем океане. Суши не видно. Без двигателя они безвольно дрейфуют на волнах, отдавшись на милость неведомого моря.

Второе чудо: спустя шесть дней корабль достигает берега. Мужчина настаивает на том, чтобы выйти первым. Он оглядывается. Это тропический остров. За полосой пляжа стеной возвышаются пугающие непролазные джунгли.

Мужчина берет на себя руководство. Во-первых, им нужно обеспечить себя едой и кровом, если они хотят жить вместе. Во-вторых, они...

Жить вместе? Это новость для женщины.

Это их долг, утверждает он: вступить в брак, продолжить человеческую расу. На них лежит ответственность. Они – отец и мать нового поколения.

Женщина смеется. Долг? Ответственность? В это верили люди на старой планете. Но это новая планета. Это возможность все сделать иначе, не повторяясь.

Мужчина не понимает. И женщина оставляет его. Она устремляется в джунгли – жить свою чертову жизнь.

II

M4V15B34C0N

В: Что станет с моим аккаунтом в фейсбуке, когда я умру?

О: Вы можете назначить Хранителя, который будет следить за вашим аккаунтом в памятном статусе или удалит его.

Памятный статус или удаление. Есть только два состояния аккаунта фейсбука умершего. Единственным кликом решается, будут его помнить или забудут.

«Памятный статус» – странное понятие. Помимо обновления фото профиля, никаких других изменений с аккаунтом покойного делать не разрешается. Старые посты и фото нельзя редактировать или стирать. Личные сообщения становятся недоступными. Профиль фейсбука в памятном статусе сохраняется неизменным, застывает во времени, как пещерный человек во льду. Удаление, с другой стороны, – это полное уничтожение.

И я спросил себя: «Марго предпочла бы остаться в памятном статусе или удалиться?»

Я не мог решить и стал шариться по разделу поддержки фейсбука. Помогло мало – одна сплошная чушь. Я сам написал уйму похожих «Часто задаваемых вопросов» для «Ним-

буса» и за те шесть месяцев, что работал в «Фантоме». Раздел «ЧаВо» ведет беседу сам с собой.

В: Кто такой Хранитель?

О: Хранитель – это человек, отвечающий за аккаунт в памятном статусе. Мы рекомендуем назначить хранителя, который сможет управлять вашим аккаунтом в памятном статусе.

Я представил сотни часов встреч, на которых копирайтеры фейсбука придумывали термин «наследный контакт». Признаю, название вышло ловкое, хотя и звучит коварно. Фейсбук дает возможность удалить аккаунт, но это не в интересах сервиса. Компания хочет оставаться частью вашей жизни, даже когда вы из нее уходите. Аккаунт покойника помогает расширить империю.

В: Что может делать Хранитель?

О: Когда аккаунт переходит в «памятный статус», Хранитель сможет принимать запросы на добавление в друзья (например, от знакомых или членов семьи, которых раньше не было на фейсбуке).

На кладбище интернета наследный контакт – что-то вроде смотрителя.

В: Как мне затребовать удаление аккаунта покойного родственника?

О: Мы соболезнуем вашей утрате.

Странная нотка человечности на странице с практической технической документацией. Это единственный ответ, кото-

рый не переходил сразу к делу. Но я задумался: «Кто эти “мы” в данном случае? Всемирная корпоративная коллективная сущность, фейсбук?»

Но у ответа имелось продолжение:

Чтобы помочь нам удалить аккаунт вашего любимого человека с фейсбука, вам нужно представить документы для подтверждения, что вы являетесь ближайшим родственником или исполнителем воли владельца аккаунта.

Не член семьи мог стать наследным контактом, только если человек назначит его перед смертью. Марго не назначила никого наследным контактом перед смертью, потому что в двадцать пять лет мало кто это делает.

Мы быстрее обработаем ваш запрос, если вы предоставите скан или фото свидетельства о смерти любимого человека.

У меня не было свидетельства о смерти Марго, так что мне пришлось искать другой способ.

У меня была лишь одна белая рубашка – единственная парадная. Я купил ее вместе с пиджаком вскоре после переезда в Нью-Йорк. Недорогая, но все равно мне не по карману. Это была моя одежда для собеседований, я готовился куда к большему числу собеседований, чем мне довелось пройти. Рубашку я надел лишь раз, когда впервые отправился в офис «Нимбуса». Мне сказали, что наряд слишком официальный,

но им понравилось мое усердие. Для работы в службе поддержки нельзя перестараться.

В ночь перед похоронами Марго я обнаружил, что бежеватые пятна пота под мышками и у воротничка не отстирались. Отнес рубашку в прачечную, просидел там два часа и скормил автоматам 1 доллар 75 центов четвертаками на стирку и сушку, но пятна никуда не делись. Растерянный, я вбил в поисковик «как вывести пятно с воротничка» и засиделся допоздна, бодяжа перекись водорода с пищевой содой и средством для мытья посуды. Оттирал пятна зубной щеткой. Сначала подмышки, потом воротник. Три я достаточно рьяно, рубашка стала бы совсем как новая.

Похороны проходили в Краун-Хайтс, на кладбище, которого я раньше не замечал; церемония длилась час под палящим солнцем. Я чувствовал, как рубашка снова мокнет от пота. Летом Нью-Йорк обычно пахнет разогретым мусором, но на кладбище было чисто. И тихо. Уголок ухоженной зелени, выделенный усопшим.

Панихида была печальной и короткой. Гроб не открывали. Я ожидал, что увижу, как плачет мать Марго. Но этого не случилось. Она держалась твердо и спокойно. Чем восхитила меня. Если мать смогла собраться, то и я смогу. Когда служба закончилась, я подошел к ней. Я сидел сзади, стараясь не привлекать внимания. Преодолев море черных платьев и костюмов, миновав ряды белых складных стульев, я оказался впереди, где мать Марго принимала желающих выразить

соболезнования. Я пристроился в хвост очереди и принялся дожидаться аудиенции. Мать Марго узнала меня прежде, чем я успел представиться.

– Должно быть, ты Лукас.

Она попросила называть ее Луизой.

– Я тут, наверно, слегка выделяюсь? – сказал я.

Судя по всему, на похоронах собрались в основном родственники, поэтому я был одним из немногих нечерных. Пришла пара коллег, но наше общение ограничилось вежливыми кивками. Мой начальник Брэндон тоже пришел, но вид у него был такой, словно он мечтает поскорее улизнуть незамеченным. Я в упор уставился на него, но он притворился, будто не замечает меня.

Я спросил Луизу, кто родственники, а кто друзья. Она подтвердила, что тут в основном семья и несколько соседских детей.

– Марго никогда не нуждалась в обилии друзей. Она предпочитала общаться с компьютерами, а не с людьми.

– Может, она общалась с людьми через компьютер, – предположил я.

Луиза не ответила. Вместо этого она взяла меня за руку, и мы медленно пошли по влажной траве.

– Загляни как-нибудь к нам домой, – сказала Луиза. – Я хочу попросить тебя об одолжении.

Я бы предпочел отказаться, но нельзя отказывать женщине, которая только что потеряла дочь. Я сказал, что с радо-

стью приду.

В подземке меня не покидало странное чувство. Неужели хоть раз нельзя позволить себе тихое, безлюдное пространство, побыть одному? Стоя на платформе, я слышал вдалеке жуткий скрежет металла. Корка вековой черной грязи покрывала пути. Я наблюдал, как неправдоподобно огромная крыса неторопливо снует между рельсами, словно она там хозяйка. В каком-то смысле, пожалуй, так и было.

Я видел людей с похорон – родственников и знакомых из той жизни Марго, которой она со мной никогда не делилась. Случайно встречаясь с ними взглядом, я словно разделял их печаль и горе, но чаще просто признавал, что возвращаюсь с того же мероприятия.

Неделю спустя, как и обещал, я отправился домой к Марго. Всю свою жизнь она жила в трехкомнатной квартире в Краун-Хайтс, однако ни разу меня не пригласила. Мне всегда казалось странным, что мы едим и пьем в ее квартале, но она даже не показала мне свой дом, хотя я и просил. Отговаривалась, что там бардак, а мама чокнутая.

Все это оказалось неправдой. Квартира находилась в роскошном здании из песчаника – такие становятся только элегантнее с годами. В квартире царил идеальный порядок, но все вещи выглядели так, будто их не трогали веками. Стекло буфета, в котором стоял парадный фарфор, подернуто пылью. Кожаный диван напротив древнего телевизора в глубо-

ких заламах – отпечатки задниц, сидевших на нем десятки лет.

Луиза держалась тепло, в этот раз она была очень разговорчивой. Беседа шла слегка в одни ворота, но я не возражал. Она рассказывала, как жила на Гаити, как росла при диктатуре, как уехала, рассчитывая на политическое убежище. Луиза говорила, пока чай окончательно не остыл, и тут спросила, не хочу ли я еще. Наконец мне удалось задать ей очевидный вопрос:

– Зачем вы меня пригласили?

Луиза поставила чайник на плиту и повела меня в комнату Марго.

Идя по коридору в потемках, я вспомнил пару, что останавливалась в пансионе моих родителей несколько лет назад, они тоже потеряли ребенка, сына, совсем еще малыша. За ужином они изрядно перебрали и раздражали остальных постояльцев громкими выкриками, так что мне пришлось завести с ними беседу, чтобы утихомирить. Они рассказали, что много путешествуют – просто чтобы уехать. Дома им тяжело. В комнате сына они оставили все как было и время от времени сидят там, вспоминая его.

Мама Марго делать так не собиралась.

– Я очень скучаю по дочери, но не хочу превращать дом в гробницу, – сказала она, когда мы подошли к открытой двери.

Комната Марго выглядела как спальня подростка. Может,

поэтому она никогда меня не приглашала. Мы встречались лишь на работе и в барах – всегда на нейтральной территории. Она не подпускала меня ближе. Но почему?

Узкая кровать, стены увешаны постерами музыкальных групп, явно еще со старших классов. В комнате не развернуться, повсюду на полу стопки старых научно-фантастических романов. Горы книг впечатляли, особенно в таком тесном пространстве. Марго покупала эти книжки в бумажных обложках в букинистических, ее больше интересовало оформление, чем содержание – на обложках неизменно космический корабль, летящий мимо цветастых планет, лун и звезд. «Научная фантастика вызывает у меня ностальгию по будущему», – говорила Марго загадочно, и свидетельства тому обнаруживались здесь повсюду. Ее возможные варианты будущего основывались на прошлом.

Луиза сказала, что я могу взять любые книжки, какие захочу. Но это показалось мне неправильным. Неправильно что-то тут трогать. Я с ужасом осознал, что Марго никогда не уснет больше в этой постели, никогда не сядет за стол, не переберет стопки книг. Ее мать права: эта комната – саркофаг.

– Почему вы не хотели, чтобы Марго съехала от вас? – спросил я.

– Так она тебе говорила? Будто я удерживала ее дома? – сказала Луиза недоверчиво. – Марго могла уехать в университет на Западном побережье, но она ни в какую не хотела покидать дом.

– И она не говорила о том, чтобы переехать, скажем, в Японию?

– Порой я гадала, моя ли она дочь. Я покинула Гаити в восьмидесятых и никогда даже не задумалась о возвращении домой. Сыну – он родился до Марго – не терпелось смыться отсюда. Он теперь живет в Окленде. Но Марго, она не съехала, даже когда я стала настаивать, чтобы она нашла себе жилье. – Луиза рассмеялась. Смех был приятным. – Япония? И не мечтай. Она лишний раз и квартал-то наш не покидала. Вся в отца. Он решил остаться на Гаити, не уехал с семьей.

Мы вернулись в кухню. Она подлила мне горячего чаю в кружку – я уже почти забыл, что держу ее в руках.

– Откуда ты родом, Лукас?

– Мой папа из Вьетнама. Мама китаянка, но ее семья живет здесь уже давно.

– А отец приехал после вьетнамской войны?

– В самом ее конце. Думаю, можно сказать, что я уже из второго поколения, хотя не уверен, касается ли это таких, как я.

– Не волнуйся, – сказала Луиза. – Это просто... слова. У них есть значения, но смысла в них немного.

И тут она сообщила, зачем пригласила меня.

– Хочу попросить тебя об услуге. Не мог бы ты выключить фейсбук Марго? Я постоянно проверяю фейсбук в своем телефоне, но понятия не имею, как сделать так, чтобы ее профиль...

Она вернула чайник на плиту.

– Было бы лучше, если бы страница моей покойной дочери не всплывала всякий раз, как я собираю урожай на «Ферме» и пытаюсь не думать о ней.

Игру эту я не видел, но Марго вечно жаловалась, что мать крепко подседа на популярную стратегию про ферму. Сидела в ней часами. Когда Марго злилась на мать, то говорила ей: «Ты ведь знаешь, кто раньше вкалывал на плантациях?»

Запах чая успокаивал. Я сделал глоток. Слишком горячий.

– Не уверен, что знаю, как это сделать. Можно мне взять ноутбук Марго?

– Зачем?

– Может, там сохранен пароль.

Это была правда. Но интересовало меня и кое-что другое, что я не смог бы объяснить Луизе.

Она подумала немного.

– Не знаю, Лукас, это кажется слишком... личным. Ты ведь компьютерщик? Уверена, ты справишься.

Казалось, проще согласиться, чем объяснить, что я не хакер и не смогу взломать самую крупную социальную сеть в мире. Луиза поцеловала меня в лоб и поблагодарила.

– О, кажется, я забыл в комнате Марго свой телефон, – сказал я. Это была ложь.

Луиза махнула рукой в сторону коридора – мол, иди. Я быстро вернулся в спальню. Ноутбук лежал на столе. Я схва-

тил его, неловко сунул под куртку и направился к двери. Луиза ничего не заметила.

В поезде до Куинса я подумал о том, что сделал, и тут же пожалел об этом. Вопросы о Марго не давали мне покоя, и, возможно, в ноутбуке содержались ответы. Но все же как-то слишком использовать для этого компьютер покойной лучшей подруги. Пялиться на тот же экран. Стучать по тем же клавишам. Я представил, каким виноватым я бы себя чувствовал, смотря порно в том же ноутбуке, в котором и она, возможно, смотрела порно. Дома я никак не мог решить, куда его приткнуть, и в итоге придавил им опасно накренившуюся стопку почты на столе, в душе надеясь, что к утру ноутбук исчезнет.

Спать я не мог, все думал о Марго. Обстоятельства ее смерти не укладывались у меня в голове. Мне сказали, что ее сбила машина поздно вечером, когда она выходила из бара. Нелепая, абсурдная смерть. Но мне не верилось. Мы с Марго напивались сотни раз. И никогда она не выходила на проезжую часть. Она бы не погибла так бессмысленно. Только не она.

Тут что-то не так. Доказательств у меня не было, но я подозревал связь ее гибели с «Нимбусом». Марго напакостила компании, и, возможно, ей отомстили. Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы украли данные их пользователей. Мы договорились, что уничтожим файл и никогда не вспомним об этом. Но я полагал, что Марго этого не сделала.

Единственный способ проверить – порыться в ее компьютере. Ответы должны быть там.

Я все еще не спал, когда после двух часов ночи ввалился сосед по квартире, пьяный, и тут же врубил музыку – это означало, что заканчивается действие наркоты, которой он закинулся в клубе. Стена между нашими комнатами содрогалась от басов, а я все натыкался взглядом на ноутбук Марго на другом конце комнаты.

В три часа музыка за стеной по-прежнему редела, я выбрался из постели, подошел к столу и открыл компьютер. Меня трясло и бросало в пот. Я отчаянно боялся того, что собирался сделать, но не менее отчаянно хотел найти ответ, объяснение, почему Марго больше нет рядом. Я включил компьютер и ждал, пока пробудившийся экран освещал комнату невероятно ярким голубым светом. Если до этого я был сонным, то теперь полностью проснулся.

Наконец компьютер загрузился, появилось окошко входа. Разумеется, требовался пароль.

Я понятия не имел, какой пароль у Марго. Не особо хорошо соображая, я для начала попробовал ее имя. Потом фамилию. Потом имя и фамилию вместе, точно кто-то – и уж тем более Марго – может быть настолько тупым, чтобы использовать собственное имя в качестве пароля.

В приступе безумного самообольщения я ввел свое имя, будто я был ключом к разгадке всех тайн ее жизни. Тоже не помогло.

Мы с Марго познакомились в «Нимбусе». Но лишь спустя несколько месяцев обнаружили, что общались уже многие годы. В начале 2000-х мы оба входили закрытое онлайн-сообщество, которое занималось распространением пиратского контента. Конечно, это звучит не слишком-то круто, но в то время PORK значил для меня все. Требовалось приглашение, после которого тебя в течение недели проверяли – не стукач ли ты.

Если удавалось войти, ты обнаруживал, что PORK – это всего лишь обычный форум. Но правила там были строгие, модераторы свирепствовали, и самое главное – там царил дух избранности и веры в высшую цель. Подростком я чувствовал себя на форуме более желанным гостем, чем в реальной жизни. В сообществе тебя знали только по выпендрежному юзернейму и еще более выпендрежной аватарке. Твоя ценность для PORK определялась тем, что ты говорил и как себя вел, а не тем, каким тебя видели сверстники. В Сети я был не пухлым и прыщавым китайско-вьетнамским подростком, незаметным, даже невидимым в коридорах школы. В PORK я обрел голос.

Меня приняли, потому что я смог скопировать и залить несколько альбомов из отцовской коллекции CD, по большей части сборники вьетнамских баллад – столь необычное приобретение, что админы тут же заинтересовались. Музыка – унылое дерьмо, но эксклюзив тут был главной валютой.

На форуме требовалось быстро усвоить здешний этикет,

или тебе крышка. Все сообщества – в реальной жизни или в виртуальной – функционируют примерно одинаково. Есть правила и иерархия. Я зарегистрировался как «поллюции_лукаса», мне, четырнадцатилетке, ник этот показался крутым. На аватарке – фото японского актера из гангстерского фильма 1960-х, чтобы выглядеть подкованным в чем-то известном только в узких кругах. Марго жила там под именем «афронавт3000». В то время это было все, что я о ней знал. На ее аватарке – фото бразильской писательницы и модели. Интригующе, но я понимал, что аватарка и афронавт3000 в настоящей жизни могут не иметь ничего общего.

Я знал одно: афронавт3000 внушала робость и почтение всем в сообществе PORK. Она разбиралась в «сити-попе» – стиле японской музыки конца 70-х – начала 80-х.

Никогда не забуду, как она описывала этот стиль:

Сити-поп – это жанр-мутант: новая волна, фанк, диско, легкий джаз, ведомый культурной ассимиляцией западной музыки. Его питала японская экономическая эйфория 80-х, торжество капитализма. Любое искусство той эпохи имело гнилые корни.

И все же я не могу перестать слушать эту музыку. Ее ритмы и тональности напоминают о ночных городских пейзажах. Солистки – обычно с мягкими и проникновенными голосами – воспевают экстаз молодости. В сиянии техникolora теплые синтезаторные мелодии новой волны звучат как предвестники мира технологий. Сити-поп с

оптимизмом смотрит в будущее.

Проще говоря, эта музыка великолепна.

– АФРОНАВТ3000

Однажды, уже спустя много лет, в «Нимбусе», Марго случайно отправила мне письмо со своей личной почты, а не с рабочего адреса. В строке «от» значилось `afronaut3000@gmail.com`, и, мгновенно узнав имя, я тихо запаниковал. Пару месяцев я сидел в нескольких метрах от афронавт3000. К тому времени прошло почти десять лет с расцвета PORK. Может, она меня и не помнила. Но я точно помнил ее.

Марго была программистом-системщиком, занималась обслуживанием серверов, ее команда редко взаимодействовала со службой поддержки. (Если честно, никто с нами не общался.) Но я увидел ее позже в тот же день в кухне. Она читала научно-фантастический роман в мягкой обложке и хрустела банановыми чипсами. Я собирался предстать перед ней клевым и элегантным, но вместо этого просто выпалил:

– Я тебя знаю!

– Не поняла?

– Извини, это странно. Но я знаю тебя уже много лет.

Марго отложила книгу и сглотнула.

– PORK. – Я был взволнован и встревожен. – Я знаю тебя по PORK. Ты афронавт3000.

Выражение лица Марго смягчилось, она выглядела удивленной, может, даже слегка восхищенной.

– Я сто лет о нем не думала. Вот это привет из прошлого!

Откуда ты понял, что я была на PORK?

Я не ответил на ее вопрос.

– Ты ведь афронавт3000? Наверно, ты меня не помнишь, но я тусил там примерно в то же время.

– Как тебя звали?

– поллюции_лукаса, – после заминки опасливо ответил я, осознав, что впервые называю свою кличку на PORK вслух.

– О боже. Конечно, я тебя помню. Ты помог мне найти столько записей сити-попа. И всегда просил бразильскую музыку. – Она помедлила, потом добавила: – И загрузил те китайские баллады.

– Они были вьетнамские, но да.

– Хорошие.

– Нет... вообще-то.

Марго рассмеялась.

– Нет, они были ужасны.

Странно было делиться общими воспоминаниями, мы ведь ни разу не встречались. Я так много лет читал посты Марго, обменивался с ней сообщениями, восхищался ей как героиней PORK. Мы вместе работали над проектами: она отправляла меня в разные библиотеки на поиски странной музыки, чтобы я оцифровал ее и загрузил на PORK – раз уж живу в Восточном Орегоне рядом с парой крупных университетов, в архивах которых хранилась японская музыка. Марго, в свою очередь, искала для меня редкие записи боса-

новы, хотя и не фанатела от нее сама – эта музыка казалась ей слишком ретро.

В те дни мы в основном болтали о музыке, но порой обсуждали и фильмы. Марго предпочитала почти исключительно научную фантастику – древние футуристические фильмы. Это вполне сочеталось с ее увлечением искусством, которое смотрело в будущее. Я четко себе представлял, кем была Марго, еще до встречи с ней, ведь мы общались сотни, может, тысячи часов. Но я в глаза не видел афронавт3000, как и не знал ее настоящего имени.

Поначалу мне казалось, что взгляды афронавт3000 плохо сочетаются с поведением Марго в офисе. На PORK она принимала все с оптимизмом и открытостью. В «Нимбусе» же была циничным скептиком, высмеивала любую новую идею. Но со временем две эти личности примирились в моих глазах. Конечно, многие используют анонимность в интернете, чтобы вести себя как последние сволочи. Но в случае Марго все было наоборот: виртуальность позволила ей сбросить груз реальности, тянувший ее вниз.

Мы проболтали в комнате отдыха до конца дня, так и не вернулись на рабочие места. Для нее, возможно, это была не проблема, учитывая ее положение в офисе и гибкий график. Но меня бы точно отчитали за то, что я не ответил на какое-то количество запросов пользователей. Мне было плевать. Впервые с тех пор, как я переехал в Нью-Йорк, я наконец-то был близок к тому, чтобы обрести друга, более того

– встретить старого.

На следующее утро после того, как мы скопировали базу данных «Нимбуса», я проснулся с похмельем, но все еще отчаянно хотел проверить, что же мы забрали. Марго сделала две копии базы – для себя и для меня. Она назвала файл «добыча. cvs», и я удивился, обнаружив, что это, по сути, огромная таблица. Полагаю, все базы данных таковы: ячейки с информацией, организованной в столбцы и строки. Столько сведений – от банковских счетов до номеров социального страхования, – все способы описать человеческую жизнь собраны в двухмерную матрицу, которую можно открыть бесплатной программой с университетского компьютера.

Файл оказался тяжелее, чем я ожидал. Потребовалась минута, чтобы его загрузить, и, когда столбцы появились один за другим, я понял, что мы страшно облажались. Там было больше, чем мы хотели. Бесконечная череда столбцов.

Мы забрали не просто список электронных адресов. Скрипт Марго вытянул все. Имена, местонахождение, прочие сведения – вся конфиденциальная информация из базы данных «Нимбуса». Хуже всего, там же были пароли. Миллионы паролей. Мы словно задумывали украсть одну картину, но каким-то образом обчистили весь музей.

Я написал Марго, спросил, собирается ли она на работу. Тревожно ждал ответа. Но его не последовало.

Люди порой называют метро «артериями Нью-Йорка», но это подразумевает, что у города есть сердце. Однако нью-оркцы черствы. Просто порой, замечая в других отражение собственного ожесточения, мы ошибочно принимаем его за равнодушие, а то и сочувствие.

По пути из Астории на Манхэттен я обычно читал научно-фантастический роман, взятый у Марго. Если было слишком людно, для того чтобы держать книжку³ раскрытой, я слушал босанову. Но тем утром я был чересчур взбудоражен для музыки или чтения. Мне чудилось, что месть Марго навлечет на нас беду. Похмелье после вчерашней попойки еще не развеялось. Я попытался сосредоточиться на рекламе в вагоне, одна обещала «подтянуть кожу без операции». Оглянулся на соседей. Пароли скольких из них оказались у нас?

Я вообще сомневался, что стоит показываться на работе, но решил, что мое отсутствие вызовет подозрение, так что приехал и притворился, будто ничего не случилось. Все шло как обычно. Я получил письмо от начальника, который выражал неудовольствие тем, что вчера я рано ушел с работы. Я удивился, что он вообще это заметил, ведь мы почти не общаемся. Ответил ему по почте, соврав, что мне нужно было к дантисту, завершив послание беззаботным: «Зубы, понимаешь?»

Первые несколько часов я работал очень медленно, выбирая самые легкие пользовательские запросы. С большин-

---

³ Район Нью-Йорка.

ством вопросов могли справиться боты, в начинке которых имелись шаблоны ответов на любой случай. Нас поощряли решать как можно больше вопросов как можно быстрее, не забывая про «индивидуальный подход» в переписке, чтобы пользователь чувствовал, что о нем заботятся. А сводилось это к добавлению в ответ, выданный ботом по алгоритму, легкомысленного смайлика. В целом работайте как можно эффективнее, но, пожалуйста, оставайтесь людьми.

Вскоре после ланча прилетело наконец сообщение от Марго. Она снова торчала в «У Макмануса» и хотела, чтобы я туда пришел. Я выскользнул из офиса, завернул за угол и обнаружил Марго в баре, сидящей на том же самом табурете, что и вчера, отдирающей этикетку с пустой пивной бутылки. Дежавю.

– Марго, ты видела...

Она шикнула на меня, так как подошел бармен. Я заказал пиво.

Марго сделала большой глоток из горлышка и ответила:

– Да, видела.

Я ждал, что она продолжит, но нет. Мне было непонятно, почему она не напугана, как я.

– Мы взяли куда больше, чем должны были.

– Никто никогда не «должен» что-то воровать.

Ах, *теперь* это называлось воровством.

– В файле все. Вся личная информация. И миллионы паролей, и это слишком, это жуть, и я не понимаю, почему ты

так спокойна.

– А я не понимаю, почему ты так... – она смерила меня взглядом, – да неважно.

– Марго...

Она положила руку мне на предплечье и сжала. Ее ладонь была холодной и влажной после пивной бутылки.

– Все будет хорошо. Никто не узнает. Просто поверь мне.

Обычно я верил Марго, но слишком уж много решений она принимала пьяной.

– Ты это специально?

– Что? Нет, просто забыла прописать условие в скрипте, которое бы отфильтровало только электронные адреса.

Так и развиваются технологии. Серверы становятся все быстрее, хранение информации все дешевле, и объемы данных разбухают. Работа на опережение. Отслеживай как можно больше, а потом отфильтровывай то, что тебе нужно. Марго забыла сделать последнее.

– Так ты поговорила с человеком в «Фантоме»? Он хочет базу, что мы скачали?

– Да, я его знаю. – Странная пауза. – Исполнительный директор, я с ним поговорила. Написала утром, и мы встретились.

– С ним так легко встретиться? Так быстро?

– Мы... хм... друзья.

– У тебя нет друзей, – возразил я.

Марго под натиском моей подозрительности тут же сдала

назад:

– Я не говорила с ним о данных «Нимбуса». И мы никому об этом не скажем. Никогда. То, что мы вчера сделали, было очень, очень глупо, и мы никогда не совершим ничего подобного снова.

Марго произнесла это громко, чем привлекла внимание бармена.

– Мы не о том, о чем вы подумали, – отшутилась она.

Бармен отошел.

Марго наклонилась ближе:

– Мы должны все удалить. И притвориться, что этого никогда не было. Ясно?

– Ладно, но...

– Мы больше не будем это обсуждать. Все.

Она отодвинулась и занялась своим пивом. И сдержала слово: это был последний раз, когда она упоминала о содеянном. У меня оставалась уйма вопросов, но разговор меня отчасти успокоил, и, как мне показалось, Марго тоже. На трезвую голову кража данных «Нимбуса» выглядела ужасной ошибкой. Опасной для нас обоих.

– Ладно, готов к хорошим новостям?

– А есть хорошие?

Марго помолчала ради драматизма.

– «Фантом» предложил нам с тобой работу.

– Нам с тобой? В каком смысле?

– Ну, ты завтра утром должен встретиться с Брэндоном.

– Кто этот Брэндон?

– О, парень из «Фантома». Исполнительный директор там. Брэндон.

Я растерялся.

– На встрече я сообщила, что только что ушла из «Нимбуса», и он с ходу предложил мне работу. И я поставила условие, что соглашусь, только если он возьмет и тебя. – Марго принялась отковыривать этикетку на бутылке. – Если ты хочешь.

Она продолжила меня уговаривать. Работа будет такая же, но «Фантом» обещает полную ставку, то есть прощай, контракт. Компания гораздо меньше, чуть больше десяти человек, так что мы не будем чувствовать себя потерянными. И, пожалуй, лучшая новость: никакого настольного футбола.

– А как же Токио?

Марго рассмеялась:

– Приятно подумать об этом, когда выпьешь.

– Значит, ты постоянно об этом думаешь?

Она отвернулась – обиженная, оскорбленная или раздраженная, я не разобрал. Сделала большой глоток.

– Соглашайся. Ради меня. Только благодаря тебе я не схожу с ума на такой работе. Ты правда окажешь мне услугу, позволив протащить себя через то же дерьмо, через которое приходится проходить мне.

Странный способ сказать «пожалуйста», но такой уж была Марго.

На другое утро я встретился с Брэндоном, ясноглазым директором «Фантома». Брэндон был лишь немногим старше меня. Года двадцать четыре максимум. Обычный красавчик – высокий, с мужественным подбородком, белый парень с улыбкой, которую многие люди сочли бы «обаятельной». Одет в мятно-зеленую рубашку поло. Вокруг глаз заметная линия загара, оставленная горнолыжными очками.

Он произнес мое имя, пока тряс мою руку, глядя прямо в глаза.

– Лукас Нгуен. Нгуен – это вьетнамская фамилия?

– Да, – ответил я, – мой папа вьетнамец, но мама китаянка.

– Я хотел сказать, что ты похож на китайца.

Белые люди часто гордятся, когда опознают, какой именно я азиат. Несколько раз меня пытались убедить, что я похож на корейца, будто национальность можно внушить. Когда я рассказал Марго, до чего часто такое происходит, она объяснила, что белые тратят астрономическое количество энергии, выдавая расистские комментарии, чтобы доказать, что они не расисты.

Брэндон принялся читать мое резюме. Он явно заглянул в него только сейчас.

– Так ты проучился два года в университете, а потом бросил?

Прежде чем я смог поправить его и объяснить, что это был технический колледж и там учатся два года, он продолжил:

– Я восхищаюсь смелостью людей, которые бросают учебу.

Он объяснил мне, что собой представляет «Фантом». Все наши способы общаться в Сети – посредством электронной почты, текстовых сообщений, мессенджеров – оставляют нестираемый след. Вы всегда можете прокрутить назад и увидеть архив прошлых разговоров, и это влияет на то, как мы говорим друг с другом. При общении через сервис «Фантома» все сообщения исчезают сразу после прочтения. Самоуничтожаются. Эфемерность «Фантома» похожа на личную беседу.

Его вдохновило на это особенно неприятное расставание, продолжал Брэндон. Он несколько часов прокручивал текстовые сообщения, просматривал совместные фотографии – цифровые руины отношений. И ему становилось только хуже. Общайся они с подружкой в сервисе вроде «Фантома», ему бы не пришлось проходить через это. (Позже, когда я описал эту тираду Марго, она поинтересовалась у меня, почему мужчины так часто вдохновляются своими прошлыми отношениями, в которых мешали женщин с дерьмом.)

Но есть и более важное применение для «Фантома», продолжал Брэндон. Правительственные или корпоративные разоблачители смогут тайно общаться с журналистами. (Марго, услышав об этом, изобразила дрочащего мужика.)

Несмотря на пафос Брэндона, я не мог отрицать привлекательность идеи. По сравнению с одержимостью «Нимбу-

са» ростом числа пользователей и накоплением венчурного капитала, деятельность «Фантома» выглядела прямо-таки благотворительностью. (Марго отметила, что «Фантом» тоже полагался на инвесторов.)

– Ты знаешь про условия трудоустройства Марго?

Я не понял, о чем он.

– Она сказала, что отказывается работать там, где не будет тебя, – сообщил Брэндон. – На мой взгляд, это говорит о выдающемся качестве ее характера.

Повисла пауза, и Брэндон пояснил:

– О преданности.

Так это вовсе не собеседование, понял я. Брэндон явно хотел заполучить Марго и сейчас просто пытался понять, чем я смогу заниматься в его компании. Он принялся расспрашивать, что я сейчас делаю, что жду от нового места, кем рассчитываю стать через пять лет.

– Вижу, у тебя есть опыт в службе поддержки «Нимбуса».

– Я отвечаю на письма пользователей. Большинство вопросов, которые мы получаем, легкие, так что много шаблонных ответов.

– Об этом-то я и думаю: мы поставим тебя на почтовую рассылку, а потом будем двигать куда потребуется. Узнаешь дело со всех сторон. Мы молоды, мы учимся (я не понял, имел ли он в виду компанию или самого себя), так что у всех много разных обязанностей. В стартапе почти одни системщики, так что человек, иначе смотрящий на мир, – как раз

то, что нам нужно.

Я понимал, что это значит: мне придется делать то, от чего шарахаются остальные, но хуже, чем там, где я работал сейчас, быть не могло. Брэндон снова глянул в мое резюме.

– Итак, когда приступишь?

После собеседования я встретился с Марго в Краун-Хайтс, недалеко от дома, где она выросла. Поскольку она жила в этом районе всю жизнь, то постоянно твердила, как там все изменилось и что никто не знает «настоящего Краун-Хайтс».

Это верно. Когда белые думают о Краун-Хайтс, они в основном представляют самую западную его улицу, где за последние три года открылся с десяток новых баров и снобских ресторанов. Традиционно карибский район наглядно являл собой джентрификацию Бруклина. За десять лет арендная плата взмыла вверх как нигде в городе, и люди на улочках Краун-Хайтс становились все белее.

В тринидадской пекарне Марго предложила заказать одинаковое: две жареные лепешки с нутом и карри. На вкус – соленое, тягучее, сладкое. Одна лепешка стоила доллар, я умял четыре. Мы заполировали их в баре поблизости, и я рассказал о встрече с Брэндоном. Марго впечатлило его видение компании, но вот насчет меня она проявила скепсис – сказала, что меня очаровать раз плюнуть. Но мы все равно выпили за перспективы на новой работе. Пусть тут будет не так

плохо, как раньше.

Зазвонил мой телефон.

– Это мама.

– Хочешь ответить? – спросила Марго.

Мелодия продолжала играть, пока я раздумывал. Телефон бешено вибрировал на барной стойке.

– Перезвоню позже, – решил я, зная, что, скорее всего, забуду.

Я позволил телефону надрываться, пока он не выдохся. Мне это казалось не таким решительным жестом, как если бы я сбросил вызов.

– Часто пропускаешь мамины звонки?

– Иногда.

– Я с мамой каждый день говорю.

– Да, только мои предки живут на другом конце страны.

Ты живешь со своей мамой. Это не то же самое.

Марго рассмеялась.

– Я полноценно взрослая, живущая со своей мамочкой.

Так что нет, это не то же самое.

Мы снова пошли за едой. В нескольких кварталах от бара заполучили по тарелке соленой трески, приготовленной с ганским фруктом аки, с гарниром из риса, бобов и жареных райских бананов. Уселись на скамейку с видом на Истерн-парквей.

– Вот так я предпочитаю ужинать, – сообщила Марго. –

На улице, без ожидания. Рестораны слишком напыщенны.

– Ты ведь знаешь, что я работал у родителей в их гостинице типа «ночлег и завтрак»? – откликнулся я. – Там не так уж плохо.

– Не желаю никого обслуживать, – отрезала она. – Или чтобы кто-то обслуживал меня.

Я наблюдал, как Марго методично поглощает еду. Никогда не видел, чтобы такая маленькая худышка так яростно расправлялась с едой. Ей был дарован сверхчеловеческий метаболизм, которому не страшны ни пиво, ни жирные блюда. Марго шутила, что у нее тело мечты белой девушки – ни задницы, ни сисек, только длинные ноги-палочки.

Было лето, так что солнце в восемь вечера еще не село. Любители побегать трусцой после работы сновали вверх и вниз по пешеходной дорожке парка, как растерявшаяся пехота. Одежда для тренировок напоминала военную форму: темные спортивные костюмы с люминесцентными акцентами, белые наушники. А рядом мы: наши задницы полируют скамейку, потеют от острой еды.

– Мы правда это сделаем? Перейдем в «Фантом»? – спросил я.

– Не вижу ни одной причины отказываться, – ответила Марго. – Но давай решим за десертом.

Я не был уверен, что десерт в меня влезет.

Мы с Марго приступили к работе в «Фантоме» на следующей неделе. Брэндон представил меня остальным сотруд-

никам. Но их все равно интересовало, кто я и откуда родом. Я был польщен. Брэндон постоянно называл команду «Фантома» «семьей», и я наблюдал, как Марго всякий раз закатывает при этом глаза.

Освоились мы быстро. И хотя тут во многом оказалось лучше, чем в «Нимбусе» – теплее, продуктивнее, дружелюбнее, – мы обменяли настольный футбол на настольный теннис, а это было даже большее зло. Настольный футбол шумный, но он, по крайней мере, ограничен в пространстве. У «Фантома» офис был меньше, и шарики пинг-понга летали через мой стол. Я пытался уговаривать себя, дескать, ничего страшного. Всякий раз, когда заблудившийся шарик отскакивал от моей клавиатуры на пол, я делал глубокий вдох и поднимал его, чтобы показать, какой я славный парень.

Несколько недель спустя наша работа в «Фантоме» вошла в привычное русло, то есть мы нашли новый бар для возлияний неподалеку от офиса. Он назывался «Генсбур» – ирландский паб почему-то с французским именем. Марго играла в «Пакман» в автомате, притулившемся в дальнем уголке бара. Обычно она опаздывала – на десять-пятнадцать минут, иногда на двадцать. Когда я упрекал ее в этом, она отвечала, что в Нью-Йорке все всегда опаздывают.

– Не я, – возражал я.

– Ты единственный человек, которого я знаю, кто не опаздывает в бар, – посмеивалась она.

– Если ты пунктуален, то пунктуален всегда.

Марго, проигнорировав мою сентенцию, следовала к автомату «Пакмана».

Но в тот день опоздал я. Меня вызвали на встречу, которая затянулась, и, очевидно, Марго расстроилась. Она едва обратила на меня внимание, когда я подошел. Не думаю, что она злилась за опоздание, скорее из-за того, что я работал больше нее.

К автомату «Пакмана», в который при мне играла только Марго, сбоку был приделан держатель для бокала. Марго взяла из держателя свое пиво, сделала залпом несколько последних глотков и передала мне пустой бокал:

– Теперь ты угощаешь.

Вернувшись, я бережно поместил полный до краев бокал в держатель, стараясь не отвлекать Марго от игры. Она много играла в «Пакман» в «Генсбуре». Часто, заказывая пиво, просила бармена разменять ей несколько долларов на четвертаки для автомата. За игрой она почти медитировала. Глубоко сосредоточившись, методично планировала маршруты через синий восьмибитный лабиринт, отворачиваясь, только чтобы хлебнуть пива.

Я провел много часов, наблюдая за «Пакманом» через плечо Марго.

– Почему тебе так нравится эта игра?

Марго не сразу ответила. Я не понял, обдумывает она ответ или слишком сосредоточена.

– Иллюзия командной работы.

Я заметил, что играет она одна.

– Нет, призраки, – пояснила Марго. – Они запрограммированы так, что возникает иллюзия, будто они действуют сообща.

Я уставился на экран. Четыре призрака преследовали Пакмана.

– Ведь они просто бегают за тобой?

– Не совсем. Каждый призрак следует своей простой логике. Блинки всегда догоняет, а Пинки всегда старается преградить тебе дорогу.

– У призраков есть имена?

– Клайд, оранжевый, чуть посложнее.

– Клайд – ужасное имя для призрака.

– Он меняет свое поведение в зависимости от того, как близко подходит к нему Пакман, и убегает, когда тот совсем рядом.

– Почему он убегает?

– Не знаю. Каждой команде нужен трус?

Теперь я тоже вглядывался в экран, пытаюсь различить стратегии поведения. Мне не вполне удавалось их уловить, но не впервые Марго видела то, что не замечал я. Ее мозг познавал мир посредством правил и рассуждений, она везде могла найти систему и воспользоваться ей.

Она продолжила:

– Но самый хитрый и пронырливый призрак – Инки. Как

и Пинки, Инки старается тебя обогнать. Но он движется не только относительно Пакмана, но и относительно Блинки. Так что движения Инки кажутся случайными, пока он не подходит слишком близко, и тогда возникает впечатление, что Инки пытается загнать тебя в ловушку.

Я следил, как играет Марго, еще несколько минут. Теперь, когда она описала характер четырех призраков, я увидел их иначе: один напорист, другой коварен, третий труслив, четвертый переменчив.

– Призраки действуют в двух режимах. Все описанное поведение относится к режиму охоты, в нем проходит основная часть игры – призраки гонятся за тобой. Но когда ты съедешь большую таблетку, – Марго подгадала момент под эту фразу, и ее Пакман немедленно обрел неуязвимость, – призраки переходят в Режим Рассеяния.

Траектории четырех призраков тут же изменились, они побежали в разных направлениях.

– А когда призраки в режиме рассеяния, они разбегаются в разные уголки экрана. Когда они в опасности, то полностью забывают про логику командной работы.

Марго закончила уровень и отвернулась от аркады, жестом приглашая меня попробовать.

– Однако я не ответила на твой вопрос. Почему мне нравится эта игра? Обожаю аркадные игры. Меня восхищает цинизм этих машин. Их задача – выкачивать из игрока четвертаки с максимальной скоростью. То есть между програм-

мой и пользователем существует соперничество, но нужно облечь его в такую форму, чтобы игрок этого не заметил.

Мгновение спустя Марго спросила:

– Может, игрокам это неважно?

Я слушал вполуха. К этому моменту призраки перешли из Режима Рассеяния в Режим Охоты и преследовали меня в лабиринте. Мой Пакман дергался, залипал, и в итоге призраки загнали меня в угол.

Марго продолжала:

– Скажем так: разработчикам не нужно много думать над тонкостями игры в «Пакман». Игроки всегда будут действовать непредсказуемо. Они и умнее и глупее, чем ожидаешь. Так что вкладываешь все силы в то, что способен контролировать. Стараешься спроектировать призраков.

Эта мысль отвлекла меня от игры. Призраки в итоге прижали меня к нижнему левому углу экрана, заблокировав все возможные пути бегства. Они приблизились, рот Пакмана открылся, и персонаж поглотил сам себя. Игра отпраздновала мою смерть восьмибитовой мелодией. Аркадный автомат заработал себе еще один четвертак.

– Меня съел оранжевый призрак. Как его там звали?

– Клайд.

Трус.

– Сраный Клайд.

У телефона Марго был разбит экран – созвездие трещин,

преломлявших свет. Марго вечно роняла свой смартфон, особенно когда напивалась, и делала она это так часто, что сдавать телефон в починку ей надоело. Она даже испытывала по этому поводу извращенную гордость. Новые коллеги принялись спрашивать, почему она не разберется с телефоном, и поначалу Марго отшучивалась, но терпения ее хватило ненадолго. Марго, выдающую подобные тирады, я видал и раньше.

– Всех соблазняет красота новой техники. В тот момент, когда мы достаем прибор из коробки, он, как и все новые компьютеры или телефоны, чист, тождествен остальным – с гладким металлическим корпусом, четкими линиями. Он так удобно ложится в наши руки, будто его не просто собрали, но слепили, будто слово «гладкий» существовало сотни лет с одной-единственной целью: чтобы наконец описать этот гаджет. Но техника, которая прекрасно выглядит в магазине, зачастую оказывается совершенно непрактичной во внешнем мире. Эти красивые вещи сделаны для невозможной жизни...

На этой фразе Марго, как правило, доставала свой телефон и начинала им размахивать.

– Потому что их придумала кучка богатых чуваков из силиконовой резервации в Южной Калифорнии, убежденных, что вся техника должна быть заточена под их представления. Потому никто кроме них и не может решать, что такое «красота».

Помню, как-то вечером один из системщиков «Фантома», Джаред, решил ей возразить:

– Ладно, но что тут плохого? Эти телефоны замечательно продаются, потому что нравятся людям.

В таких случаях Марго обожала доносить свою позицию с сюжетным поворотом в духе «Сумеречной зоны», повышая голос и привлекая внимание всех в комнате:⁴

– Что это значит, когда самые популярные в мире гаджеты разрабатываются белыми мужчинами из элиты Кремниевой долины и для них? Разве это не новый колониализм, современная форма угнетения, которая насаждает во всем мире ценности и позицию белых мужчин?

Все, как водится, отмалчивались. Неважно, что к этому моменту шесть бокалов пива сделали речь Марго слегка невнятной. Она хотела шокировать всех своим заявлением (и часто ей это удавалось). Я был с ней полностью согласен, но я слышал Марго достаточно, чтобы считать ее выступление смешным. На этот раз все случилось во время неформального общения в офисе.

Марго с Джаредом продолжили спорить, пока все остальные, включая меня, не потеряли интерес и не переместились тихонько к столу для пинг-понга. Вероятно, чтобы разрядить напряженность, наметившуюся между Марго и Джаре-

---

⁴ Научно-фантастический сериал (1959–1964), считающийся одним из лучших за всю историю. В 2019 году появилось третье возрождение этого сериала, в 2020 году продленное на второй сезон.

дом, Брэндон предложил пойти в соседний бар. Марго отказалась.

– Хочешь поесть в моем районе? – спросила она меня.

– Вообще-то я не прочь посидеть в баре с командой, – ответил я.

Мы с Марго ужинали в Краун-Хайтс прошлым вечером. Меня редко приглашали потусить с кем-то еще. Но я не мог признаться в этом, тем более при всех. Это бы прозвучало слишком жалко. Может, так оно и было.

– Марго, двинули в бар, – позвал Брэндон. Я не знал, что он нас слышит. – Я угощаю.

– Не хочу мешать вашему мальчишнику.

В этом Марго была права. Она была единственной женщиной в команде. Брэндона ее ответ ничуть не задел. А вот меня придавило ощущением предательства. Марго схватила пальто и выскочила за дверь, прежде чем кто-то успел с ней попрощаться.

Мы пошли в соседний коктейль-бар, прятавшийся на задворках итальянского ресторана. На стене висел дисковый телефон, Брэндон снял трубку и прошептал пароль («клевер»). Тайная дверца открылась в сумеречный зал с горсткой официантов в старомодных жилетах. Меню отсутствовало – только короткий опросник о любимых напитках и личностный тест, которые нужно было заполнить на входе. Разумеется, я подумал о том, как сильно бы это выбесило Марго. Наверняка бы пошутила, что тут косплеят нравы эпохи су-

хого закона, а я бы посмеялся. Но по правде мне это немного нравилось.

На следующий день Марго не отвечала на мои сообщения в чате, а когда я столкнулся с ней нос к носу, отшила меня, сославшись на большую загруженность. (Со своего места я видел ее монитор и знал, что это не так.)

«Странно, но тебе тут нравится», – написала она мне наконец.

«Не нравится, – ответил я. – Но тут лучше».

Около полудня она отправила мне ссылку, которую я принял как предложение мира. Мы взяли в привычку отправлять друг другу статьи в духе «ух ты, посмотри, какой ебаннизм» – такой любопытствующий взгляд на мир.

«Какая-то чушь», – написала она.

А несколько минут спустя, прежде чем я успел ответить, прилетело «Прочитал?».

Порой мне хотелось, чтобы Марго понимала, что моя повседневная работа, пусть и незначительная, имеет сроки, которые нельзя срывать. И все же мне было стыдно за прошлый вечер, так что я закрыл письма клиентов и нажал на ссылку. Это оказалась новостная статья о статистике, опубликованной сайтом онлайн-знакомств. Исследование проранжировало привлекательность мужчин и женщин по расовым признакам на основе пользовательских данных. По их подсчетам, самыми привлекательными были белые мужчины и азиатские женщины. Наименее привлекательными – азиатские

мужчины и черные женщины. В комментариях к статье читатели жаловались, что статья расистская. Но автор защищался, утверждая, что он не выносил ценностных суждений. Это были данные. Так говорили цифры.

«Хм, да, глупо», – написал я, не слишком задумываясь. Кого удивит такая информация? Конечно, не Марго. Она ничего больше не писала, и я решил, что она занята или уже забыла об этом. Но позже, столкнувшись со мной в кухне, она снова заговорила о статье. Сказала, что у нас наконец-то обнаружилось нечто общее: нас никто не хочет. Назвала нас «нежеланными» и тихонько фыркнула.

Меня ее слова не убедили, хотя мне и понравилась идея, что эта «нежеланность» нас сближает. То, что черные женщины и мужчины-азиаты оказались в конце списка привлекательности, вовсе не означало, что у нас схожий опыт. Но Марго продолжала напирать, вовлекая меня в беседу, пытаюсь добиться от меня реакции посильнее.

– Во-первых, я не верю, что люди будут указывать свои предпочтения для знакомств, – сказал я. – Одно дело встретаться только с азиатками. Но совсем другое – кликнуть на выпадающее меню и выбрать «только азиатки».

– Ты прочел статью? – осведомилась Марго. (Ладно, просмотрел быстренько, чтобы вернуться к письмам.) – Она про поведенческие данные. А не о том, что люди говорят про свои интересы. Это о том, как они ведут себя на сайте. Парни, возможно, не признают, что у них встает только на азиат-

ских цыпочек, но переписывались они исключительно с нами.

– Видимо, люди думают, что никто не следит за их привычками знакомиться?

– Или им плевать, – ответила Марго.

Она еще больше раззадорилась, когда на кухне появился Брэндон. Он застыл в нерешительности, услышав, как Марго обсуждает, что мужчины «желают трахать азиатских цыпочек». Он будто бы собирался что-то сказать. Посмеяться с нами? Или отчитать за неподобающую лексику на рабочем месте? Ни то ни другое, как оказалось. Брэндон притворился, будто ничего не слышит и его интересует лишь одно – разжиться злаковым батончиком. Цапнув его, он быстро ретировался.

– Никогда не видела, чтоб он двигался так шустро, – заметила Марго.

Понизив голос, я сказал:

– Спорим, Брэндон пишет только азиаткам.

– Не-а, он тайком залипает на черных женщин. Поверь мне.

Я рассмеялся, но, когда взглянул на Марго, она не улыбалась. Вообще-то она выглядела оскорбленной. Я редко видел ее такой. Обиженной.

После работы мы отправились в «Генсбург», где Марго принялась набираться с пугающей скоростью, куда быстрее обычного. Даже не стала резаться в «Пакман». Каждая но-

вая порция пива сопровождалась порцией хорошего виски. Я пытался не отставать. Думал, мы уже исчерпали тему, но Марго все продолжала перетирать статью про свидания. Наконец до меня дошло, что, хотя в статье не содержалось никаких откровений, Марго зацепило, что ее собственный опыт нашел подтверждение в этой статистике.

– В статье нет ничего нового, – сказал я, надеясь закрыть тему, чтобы мы могли наконец поговорить о чем-то другом, буквально о чем угодно. – Ты даже не сидишь на сайтах знакомств. Ты даже на свидания не ходишь. В чем дело?

– Мне не нужен парень. Не нужен дом. Не нужна семья, хотя никто и не спрашивает. Мне не нравится эта работа, но я пока не знаю, где найти работу получше. Я не хочу жить в Нью-Йорке, но никогда не уеду. Вся моя жизнь состоит из того, чего я не хочу, – сказала Марго. – Это выматывает.

– Похоже, ты злишься на меня за то, что я не злюсь из-за статьи.

– Нет, я хочу, чтобы ты понял, почему я так зла.

– И что в этой статье так тебя бесит?

Марго было не сбить, но яснее мне не стало.

– Эти поведенческие данные – измеряемое желание.

– Ты вообще в себе?

– Не знаю. Не понимаю, почему меня это так достает. Но это кажется таким... – Марго подыскивала подходящее слово. Язык у нее уже заплетался, и я не мог понять, сказала ли она «эмпирическим» или «имперским».

Я подумал, что мы сможем достичь взаимопонимания, если я объясню, из чего сам исхожу.

– Я знаю, что мужчины-азиаты мало кого привлекают по нескольким неприятным причинам. Во-первых, нас считают тихонями. Во-вторых, покорными. – Мне было грустно признавать это вслух. – Именно так нас видят и соответственно обращаются. И эти данные из статьи просто доказывают реальность, которая и так известна.

Я не был уверен, что Марго меня слушает.

– Все хотят оттрахать черную девчонку, но никто не хочет с ней трахаться, – сказала она больше про себя и допила пиво.

Очевидно, я не понимал. Существовали пробелы в нашем опыте. Я это знал. Марго, возможно, была бы менее разочарована во мне, если бы я это признал.

– Может, эта информация меньше беспокоит меня, потому что я мужчина?

– Верно, – ответила Марго. – Мужики блядски тупы.

Я подумал, это хоть немного поднимет ей настроение. Повторил шутку, которую узнал недавно: самое страшное, что может случиться с мужчиной, – разбитое сердце, но для женщины самое страшное – быть убитой мужчиной. Марго не сочла ее смешной. Спросила меня, в чем тут соль, и я замямлил, пытаюсь объяснить, что это звучало смешно, когда произносилось знаменитым комиком.

Никогда не видел ее такой расстроенной. Похоже, я толь-

ко усугубил ситуацию. Мне следовало поддержать Марго. По крайней мере, она могла говорить, а я бы слушал. Но очевидно, что сегодня просто слушателя ей было мало. Ей требовалось понимание, а вместо понимания я выдал идиотскую шутку. Дважды разочаровал ее за два дня.

– Извини, – проговорил я. – Я пытаюсь помочь.

Марго подняла взгляд от пустого бокала и посмотрела мне в глаза, засвидетельствовав свое смятение, а заодно и разочарование. Потом ее лицо вновь исказилось в гримасе, которая держалась весь вечер, – будто больше не стоит и пытаться понять, что со мной не так. Она заказала еще выпить.

На другой день после смерти Марго я пришел на работу. Миновал стол, где по-прежнему оставались все ее вещи. Компьютер, бумаги, перезрелый банан, книжка, которую она читала. Все на месте, никто ничего не трогал.

Тянулись дни, я ходил мимо палатки с халяльной едой, где мы покупали ланч, мимо кафе, где брали кофе, бара, в который слишком уж часто заворачивали после работы. Все как прежде, только Марго нет.

Я так и не заплакал. Не знаю почему. Умом я понимал, что моя лучшая подруга мертва, но тело не признавало это. Я пытался. В душе, где сосед меня не мог услышать. Думал о Марго. Думал о своих родителях, воображал их смерть. Вспоминал все печальные события, о которых читал в новостях. Безуспешно. Я просто ощущал тоску, будто чего-то не хватало

– но не саму смерть.

Однако в понедельник после похорон кто-то убрал стол Марго. Разумеется, банан испортился, так что кто-то взял на себя инициативу избавиться от всего. Временами для Марго приходила почта, и офис-менеджер складывал ее в конференц-зале.

На работе я считался безотказным, шустрым, тихим – как двигатель «приуса», который жужжит себе и жужжит. Самое странное, что азиату в Америке не нужно доказывать, насколько он прилежен. Люди просто думают, что ты либо рожден таким дисциплинированным, либо твои стоические, строгие родители вбили дисциплину в тебя в раннем детстве. Но, если честно, тихим я был в те недели после смерти Марго, потому что ушел в запой. Я медленно отвечал на письма, едва обращал внимание на то, что пишу, ждал, когда день закончится. По дороге домой подхватывал упаковку из шести бутылок в винной лавке через дорогу от своей квартиры и считал это ужином. В пиве почти хватало калорий, чтобы я мог передвигать ноги.

В следующие несколько дней Брэндон был необычайно добр. Предложил мне взять сколько угодно отгулов, но я ответил, что предпочту обойтись без них, на работе легче себя занять, – сказал я это, потому что мне показалось, что обычно так говорят. Толку от меня было чуть. Без Марго, которая делилась со мной статьями, дни тянулись медленно, без человека, который давал мне поводы для злости, они казались

нескончаемыми.

Глупо, но по Марго я особенно остро скучал за ланчем – она вечно была голодной. Мы работали в районе, лоснившемся от стартапов, а значит, он лоснился и от ресторанчиков «фаст-кэжуал», перерабатывающих этнические блюда в нечто единое – миску всякого разного.

– Тут есть индийская забегаловка, греческая, японская, есть три разные мексиканские едальни, – как-то сказала Марго. Прошла пара месяцев с тех пор, как мы начали работать в «Фантоме», и она уже изучила все варианты перекуса. И ей нравились все. Безотказная формула. Выбираешь белок, к нему гарнир, соусы – в таком духе. И хотя всегда приходилось выстаивать длинную очередь, двигалась она быстро. Твой ланч начинали готовить, повара трудились четким конвейером, выдававшим еду быстро и удобно упакованной, чтобы ты мог легко донести ее до офиса. Марго совершенно не заботило, что она спускает по пятнадцать долларов в день на ланч.

– Я взял с собой еду, – говорил я, стараясь не тратить в обеденный перерыв больше часового заработка. В действительности я намеревался соорудить себе перекус из бесплатных сэндвичей в комнате отдыха «Фантома».

– Сегодня я угощаю, – говорила Марго. – Пойдем в индийский.

В ресторане, после недолгого ожидания в очереди, Марго

выбирала себе блюдо (бирьяни), белок (курица) и соус (тикка масала). Я следовал ее примеру и заказывал то же. Возвращаясь на работу, Марго на ходу открывала крышку и брала кусочек.

– Боже, как я оголодала, – говорила она. – Ты знал, что курица тикка масала – национальное блюдо в Англии? И теперь спорят насчет его происхождения. Люди не уверены, в Индии оно возникло или в Великобритании. – Она взяла еще кусочек. – Колониализм, чувак. – Еще один. – Но как же вкусно.

– А если откроется гаитянская забегаловка, как ты к этому отнесешься? – спросил я.

– Конечно, сначала буду жаловаться, – ответила она, – но, наверно, смирюсь, когда пойму, что могу есть жареные райские бананы на ланч каждый день.

– Забавно, я бы хотел, чтобы люди относились к вьетнамской еде серьезнее. Перестали думать о ней как о дешевке и поняли, что за нее стоит платить. Но, с другой стороны, меня насмешит миска супа фо дороже восьми долларов.

Я предложил поесть снаружи, раз Марго уже вскрыла свою оранжевую плошку. На улице было приятно, и мы нашли скамейку на пересечении 23-й и Бродвея, напротив знаменитого «дома-утюга», в честь которого назван район. Высотой в двадцать этажей, он считался⁵ небоскребом на мо-

---

⁵ Флэтайрон-билдинг, «дом-утюг», построен в 1902 году, стоит на пересечении Бродвея, 5-й авеню и 22-й Ист-стрит, с 23-й Ист-стрит на него открывается луч-

мент постройки, в начале XX века. Теперь рядом с соседями здание выглядело карликом – все дома вокруг массивные, но без изюминки.

Марго остановилась и посмотрела на дом.

– Я читала, что лифты в нем раньше работали на гидравлике. – Повернулась ко мне, и я заметил штрих ярко-оранжевого тикка масала на ее губе. – Квартиры постоянно заливало.

Как обычно, она предпочитала увидеть в предмете его проблемные стороны.

В понедельник после похорон Брэндон кратко восславил Марго на утренней планерке. Он говорил, какой она была талантливой, как ее будет не хватать, а потом тут же принялся опрашивать программистов о том, как продвигаются их проекты.

Со смертью Марго народ в офисе впал в уныние. По большей части Марго не вспоминали, хотя несколько сотрудников и впрямь сказали мне, что им «очень жаль». Для поднятия духа Брэндон объявил, что в четверг, в полдень, начнется офисный турнир по пинг-понгу. Участие добровольное, но крайне желательное. Брэндон балдел от пинг-понга и всегда побеждал. Я гадал, призван ли турнир поднять настроение сотрудникам или ему лично.

Он отправил мне напоминание по почте за день до со-

бытия, сообщая, что я единственный не выразил желания участвовать.

– Я не слишком хорош в пинг-понге, – ответил я, надеясь, что беседа на этом закончится.

– Уверен, ты с ходу научишься. К тому же у нас шестнадцать сотрудников, это идеально подходит для турнира.

– Раньше было семнадцать, – заметил я. Брэндон опешил, и я тут же пожалел, что огрызнулся. Он ведь не виноват в смерти Марго, и нечестно, что я вымещал на нем свою злость. – Так участие в турнире добровольное или нет?

– Конечно, добровольное, – уверил меня Брэндон, кладя руку мне на плечо. – Соглашайся.

На другой день мне стало кристально ясно, до чего же я плох в пинг-понге. Выдохнул с облегчением, когда меня быстро вышиб долговязый веб-разработчик по имени Джош; ближе к концу партии он уже явно начал жалеть меня при подаче.

Проиграв, я попытался вернуться к работе, – нереально: все хлопали и кричали. Каждое очко воспринималось как вопрос жизни и смерти.

Наконец добрались до финала – Брэндон сражался с серверным администратором Эмилем. Их стили кардинально различались. Брэндон постоянно атаковал, гасил мячи, целясь в открытый угол. Эмиль же, заняв позицию в метре от стола, терпеливо отбивал удары. Это было почти мистическое действо: Эмиль двигался медленно, без резких выпа-

дов, выжидая, когда Брэндон совершит ошибку. После довольно долгих перебрасываний шарика Брэндон промахивался и Эмиль зарабатывал очко, и всякий раз в эти моменты Брэндон выкрикивал: «Блядь!»

– Подрезает, – объяснил Том, еще один инженер, кивнув на Эмиля. «Подрезает» относилось к стилю игры Эмиля – он отвечал на удары, сильно подкручивая снизу, гася скорость атаки. Брэндон, однако, не сдавался. Он использовал каждую возможность ускорить игру, навязывал свой ритм. В итоге ему это удалось. Эмиль не смог отбить очередную серию яростных ударов, и Брэндон победил.

Я не Марго. Но, слава богу, компьютеры глупы. Они понятия не имели, кем была Марго. В отличие от меня.

Для безопасности вход защищен двухфакторной авторизацией. Обычно это значит, что сайт запрашивает пароль, после которого генерируется случайный код, немедленно отправляемый вам на телефон. Поскольку почти все взломы совершаются удаленно, добавление верификации с помощью второго устройства защищает большинство аккаунтов. При двухфакторной авторизации ваша идентичность определяется двумя вещами: тем, что вам известно, и тем, что вы имеете. Возможно, именно так мы и определяем себя – по тому, что у нас в голове, и предметам, которыми мы владеем.

Прошла неделя с тех пор, как Луиза попросила меня удалить профиль в фейсбуке ее покойной дочери. Я пытался

найти способ стать «хранителем» Марго. Связался со службой поддержки фейсбука, и мне ответили, что я должен предъявить свидетельство о смерти, но я не решился попросить его у Луизы. Мне ведь не требовалось доказательство смерти ее дочери. Но затем я понял, что мне не нужно становиться «хранителем ее аккаунта». Достаточно просто войти в аккаунт Марго в фейсбуке. В конце концов, у меня сохранился огромный файл украденных юзернеймов и паролей из «Нимбуса» – *добыча.csv*. Мы с Марго пообещали друг другу, что уничтожим свои копии базы данных. Но я этого так и не сделал. Избавясь я от файла, я бы уничтожил нашу самую большую общую тайну.

Вернувшись домой с работы, я открыл файл на своем компьютере. Программа для работы с электронными таблицами попытала, зависла и вырубилась. Я перезапустил компьютер. Потребовалось несколько попыток.

Я исходил из предположения, что Марго использовала тот же пароль для аккаунта в «Нимбусе», что и для профиля в фейсбуке. Но использовала ли она один пароль для всего? Я-то уж точно. Его вариации. Многие люди так делают. Весьма вероятно, что и Марго так поступала. Но я знал, что среднего тут не дано. Либо я получу доступ ко всем аккаунтам Марго, либо нет.

С четвертой попытки таблица наконец загрузилась. Я отфильтровал Марго по имени. Там были тысячи Марго. Затем по фамилии. Все равно десятки аккаунтов. Я забыл, что как

системщик Марго использовала множество тестовых профилей. Но пароли к этим разовым аккаунтам были соответствующими: *test1234*, *dummyaccount22*. Я проверил список, пока не нашел настоящий: *M4v15B34c0n*.

Записал его на листке. Фиксация пароля на бумаге казалась меньшим преступлением, что-то терялось при переходе из цифровой формы в аналоговую. В тот момент я не чувствовал, будто делаю что-то плохое. Напротив, у меня едва ли не кружилась голова от счастья.

Я схватил компьютер Марго с груды писем, которую он придавливал. Открыв ноутбук, столкнулся с уже знакомым экраном с логином. Глубоко вдохнул и медленно ввел пароль.

Сработало. Я поразился, как быстро – настолько, что даже не понял, что теперь смотрю на рабочий стол Марго. Обои – прекрасная туманность: розовые и голубые завихрения, напоминавшие свечение неоновых фонарей, закручивались на черном фоне космоса.

Меня вдруг пронзило ужасом. Я захлопнул компьютер и поклялся никогда его больше не открывать.

До переезда в Нью-Йорк я жил с родителями. Они держат скромный пансион в маленьком городе. Большинство постояльцев – родители студентов местного частного гуманитарного колледжа, в который я пытался поступить, но получил быстрый отказ. Это вряд ли имело какое-то значение, ведь

я не мог себе позволить четыре года обучения. Маленькая, уютная домашняя гостиница располагала гостей к разговорам. Когда я подавал ужин или приходил в их комнаты сменить постельное белье, они спрашивали меня, не учусь ли я, как их сын или дочь, в местном колледже. Я обычно объяснял, что учусь не там, а в двухгодичном техническом колледже. Но со временем я начал привирать, чтобы беседа не становилась слишком уж неловкой. Так что я учился в частном колледже. Постигал английскую литературу, специализировался на экономике, участвовал в дебатах. Да, я слышал о вашем сыне или дочери. Не встречал их лично, но слышал, что он или она молодец.

Вечерами у нас было много дел. Мать нарезала фрукты на кухне, а я убирал в столовой и сервировал столы, чтобы все было готово к завтраку заранее, до подачи в 9 утра. Закончив с обязанностями, остаток вечера я проводил за нашим громоздким компьютером в подвале – искал работу в интернете, рассылал резюме, но никогда не получал ответа. Я перестилал постели, сервировал столы и пылесосил коридоры этой пыльной гостиницы с тех пор, как научился ходить. Мне было двадцать три года, и я готов был съехать.

Родители тоже были к этому готовы. Старший брат второй год учился в магистратуре на фармацевта, попутно заслужив множество стипендий. Он всегда учился гораздо лучше меня. Вообще-то он превосходил меня во всем. Круглый отличник, король внеклассных занятий, даже вполне прилич-

ный спортсмен. Он выглядел и жил так, как должны выглядеть и жить азиаты: стройный, обаятельный, одаренный. Я не обладал ни одним из этих качеств. Ростом я был выше среднего, но всегда тяжеловат. Мать говорила, что это она виновата – перекармливала меня в младенчестве. Но я ел не больше других в семье. Я просто был толще.

Я ни в коем случае не был плохим учеником, но мало чем мог отличиться. В старших классах от меня упорно ожидали, что я преуспею в математике и естественных науках, хотя я никогда не проявлял склонности к этим предметам. В выпускной год школьный психолог посоветовал мне выбрать сильные классы по математике и химии – я послушался и чуть было не провалился. Мой средний балл упал так сильно, что все надежды на финансовую поддержку или стипендию растаяли. Я сказал психологу, что мне не стоило выбирать эти дисциплины. А он ответил, что ждал от меня большего. Что ж, тут он был одинок.

Колледж в Восточном Орегоне я закончил весной, сразу после обвала рынка жилья. Найти работу без степени бакалавра и так сложно. И практически невозможно, когда рынок труда потряхивает.

Поскольку мы жили всего в пятнадцати минутах езды от частного колледжа, на выпускной неделе гостиница всегда была переполнена. Однажды, стоя в дверях, я крикнул маме: «Я на занятия», это услышали наши постояльцы, Хелена и Пол, белая пара, приехавшая в город навестить сына,

Майкла, студента колледжа. Подавая завтрак, я прихвастнул им, что тоже там учусь. Они предложили меня подвезти.

– О, не стоит беспокоиться, – сказал я, надеясь, что меня не поймают на вранье. – Всего полчаса на велике.

– Ерунда, мы тебя подвезем, – настаивал Пол. – Майкл тоже изучает английскую литературу.

Мать бросила на меня непонимающий взгляд, убирая тарелки со стола Хелены и Пола, но ничего не сказала.

Я оказался на заднем сиденье их массивного внедорожника, взятого напрокат, пропахшего сигаретами и шампунем, которым пытались вывести запах табака. Хелена рассказывала, как она гордится сыном, какая расчудесная работа ждет его в Санта-Фе, где они живут. Спросила меня, каковы мои планы после выпуска, и я ответил, что пока выбираю.

Приехав в кампус, я поблагодарил их и быстро ушел. Я мог бы заскочить в автобус, который вернул бы меня в город минут за сорок пять, так что я пропустил бы всего полтора занятия. Но по дороге к студенческому центру я обратил внимание на доску объявлений с предложениями работы. До сих пор мои поиски были безуспешны.

Я не был в кампусе с попытки поступления. Уже тогда, шагая по идеально ухоженным лужайкам мимо увитых плющом кирпичных корпусов, я знал, что у меня нет шансов здесь учиться. Сегодня студенты растянулись на одеялах для пикника и поедали ланч из кафетерия. Парочка уснула в гамаке вместе, пристроив на лицах раскрытые учебники. Сто-

ял погожий весенний день, и кампус выглядел как на картинке (есть все-таки правда в рекламе). Сожалений я не чувствовал. Это был мир, который я не заслужил.

Я подошел к доске объявлений. На ней висела яркая листовка, призывающая студентов пройти профориентацию в карьерном центре. Может, там есть и объявления о работе. В тот момент мне нечего было терять.

Мне потребовалось время, чтобы найти карьерный центр. Удалось отыскать здание, но я бродил вверх и вниз по этажам, пока не понял, что сам центр находится в подвале. В холле стояли стулья, лежали журналы и всякие проспекты, как в приемной у дантиста. У двери сидела администратор, явно студентка, и делала домашнее задание. Она сняла наушники и спросила, назначено ли мне.

– Нет, я просто, хм, хотел... посмотреть материалы, – ответил я.

Подошел к полке с листовками и распечатками и притворился, что они меня интересуют. Взял брошюру под названием «Извлечь пользу из своего резюме» и помахал ею студентке. Ее это не убедило, но лицо у нее было такое, будто ей абсолютно нет до меня дела. Она вновь нацепила наушники, а я продолжил осматриваться в поисках доски с объявлениями о работе. Безуспешно. Я направился к выходу.

– Это ты на десять часов?

Я оглянулся. Это сказала белая женщина лет шестидесяти. Одета в кардиган и бриджи – как учительница первых

классов, сопровождающая малышей на экскурсию.

– Нет, простите, я просто смотрел.

– Что ж, видимо, тот, кому назначено к десяти, не придет, – сказала она. – Значит, я свободна и, если хочешь, могу посмотреть твои резюме или сопроводительные письма.

Не знаю, зачем я на это пошел. Возможно, мне польстило, что она поверила, будто я тут учусь.

Провожая меня в кабинет, она гаркнула на девушку за стойкой:

– Лора, сними наушники.

Кабинет психолога, занимавшегося профориентацией богатых студентов, которые, возможно, никогда прежде не работали, выглядел соответствующе. С упором на вдохновение. Мотивационные постеры с цитатами знаменитостей почти полностью закрывали стены – будто бы Мартин Лютер Кинг-младший мечтал начать неоплачиваемую стажировку. На столе лежали буклеты и отдельная стопка, в которой оказались резюме. Света не хватало, люминесцентные лампы давали резкую тень. Женщина представилась Райли, а я, пошарив в колодцах своего воображения, выудил из себя псевдоним.

– Джон, – сказал я, пожав ее руку.

Райли спросила меня, чем бы я хотел заниматься в жизни, и я признался, что готов на какую угодно работу, что уже подал десятки заявок, но отклик удручал.

– Нелегкое время, чтобы найти работу, но упорных обя-

зательно ждет награда. Многие студенты считают, что работа их по праву уже потому, что они получили степень бакалавра.

Она и не подозревала, что я не заслужил даже права так называться.

Она продолжила:

– Но плюс жесткой рыночной конкуренции в том, что она вынуждает молодых людей вроде тебя больше рисковать. Ты ищешь работу поблизости?

Я сказал Райли, что мои родители живут здесь, но я готов переехать в другое место.

– Где ты всегда хотел жить?

Я задумался. Идея покинуть Орегон никогда не приходила мне в голову – не потому что я любил штат, в котором вырос, просто не верилось, будто я преуспею где-то еще. Даже брат, с его успехами в учебе, никуда не рвался. Как и постояльцы родительской гостиницы, Райли была белой незнакомкой, которую мне не хотелось разочаровывать – как и опозориться перед ней.

– В Нью-Йорке, – выпалил я. Ответ нечестный, но вполне правдоподобный.

– И почему же ты хочешь переехать в Нью-Йорк?

Я ничего не знал о Нью-Йорке. И уж точно никогда не был в этом городе. Я понятия не имел, как он выглядит или какие люди там живут. Однако несколько лет назад мне казалось, что все мои друзья из PORK обитают в Нью-Йорке. Пу-

стяк, но порой люди упоминали определенные районы: Нижний Ист-Сайд, Уильямсбург, Форт-Гринпойнт – так, кажется. Для меня это был город, где жила музыка.

– У меня друзья, – наконец проговорил я, – в Нью-Йорке.

– Неплохо для начала. А с точки зрения карьеры почему тебе туда хочется?

– В Нью-Йорке столько музыки. Там вроде как тысяч.

Райли рассмеялась:

– Определенно тысяч, это уж точно.

Она призналась мне, что жила в Нью-Йорке много лет назад. Город был очень необычным и, по правде, опасным. Отталкивающим, темным. В ее квартире водились крысы, и ночами она слышала, как они снуют в стенах. У нее было шесть соседей, и они буквально спали друг на дружке. Она почти нищенствовала, но никогда не чувствовала себя счастливее.

– Как же это было давно, – выдохнула она, откинувшись на спинку кресла.

– Так мне стоит переезжать туда или нет?

Райли защелкала по клавиатуре, пару раз кликнула мышкой. Повернула ко мне монитор, чтобы я увидел экран.

– Вот несколько музыкальных вакансий в Нью-Йорке.

Мы поговорили немного про «возможности». Они были скучными, что очень удивило Райли. Но для тех мест, что я все же нашел, она пообещала написать мне блестящие рекомендации, и это было мило с ее стороны, но неосуществимо:

она ведь не знала, что я не посещал ее колледж и не имел степени бакалавра.

Райли потчевала меня историями о своей жизни в Нью-Йорке. Она жила там в 70-х. Авария в энергосистеме произошла всего спустя неделю после ее переезда – молния ударила в электростанцию. Электричества не было всего день, но город погрузился в хаос – грабежи, поджоги, кавардак, – но все равно рассказывала она об этом с ностальгией.

– Забавно. Я тоскую по всему плохому в Нью-Йорке.

– Видимо, нас определяют жизненные трудности, – откликнулся я.

Она рассмеялась:

– А ты хохмач. Думаю, ты отлично приживешься в Нью-Йорке.

Когда я уже уходил, она дала мне последний совет:

– Успех приходит к тем, кто уверен в себе и собран.

И вручила буклет «Будь уверен, но не заносчив: как написать свое первое сопроводительное письмо».

Я не знал, как набраться уверенности, но идея о собранности запала мне в память. Я определенно умел быть собранным. Еще в средней школе я занимался бухгалтерией для родительской гостиницы – мама диктовала мне цифры с чеков и счетов, а я вбивал их в таблицу. Тем вечером я открыл программу с таблицами. Вентилятор компьютера натужно жуж-

---

⁶ Авария в энергоснабжении Нью-Йорка случилась в ночь с 13 на 14 июня 1977 года из-за грозы и попадания молний в подстанции.

жал, когда я создал свой первый документ, не касающийся родительского бизнеса. Я вбил даты, когда я отправлял свои заявки на работу, даты, когда справлялся о принятии резюме в первый и второй раз. И обнаружил, что сначала я был разборчив в выборе вакансий. Но шли дни, недели, и я подавал на все, что подворачивалось под руку. Я последовал совету Райли и начал искать работу в Нью-Йорке, но все равно никто мне не отвечал. Я стал более организованным в поисках, но получал лишь больше жалостливых ответов от работодателей, благодаривших меня за проявленный интерес.

Я тщательно вел таблицу. Она разрасталась, и вот уже я обнаружил, что подал заявки на сотню вакансий. Ночами, когда мне не спалось, я перечитывал таблицу строку за строкой, столбец за столбцом. Каталог моих неудач.

В то время журналисты еще пытались разобраться, что случилось с экономикой. Виноваты банки Нью-Йорка, проблемы с жильем, жадность или что-то еще. Сюжет разворачивался по цепочке бессмысленных понятий. Высокорисковые субстандарные ипотечные кредиты были оформлены как залоговые долговые облигации, что бы это ни значило. Но по мере того как я вчитывался в надежде понять происходящее, чтобы не чувствовать себя таким неудачником, я увидел, что весь этот идиотский язык служил маскировкой для относительно простых вещей. При объединении рискованных активов в крупные партии банкам разрешалось задешево продавать бесполезные кредиты. Банки повторяли это снова и снова,

пока сумма не переставала быть маленькой. Это как меняться шезлонгами ради большей прибыли.⁷

Но что это в действительности значило для банка, когда он продавал долг в другой банк? Это оказалось еще проще, чем я воображал. Индивидуальный долг – всего лишь строчка в таблице. Собранные вместе, такие долги представляли собой сотни строк. Нью-йоркские банкиры торговали долбаными таблицами, понял я. Эти таблицы были огромны, но в них содержалась вся необходимая для коллекторских агентств информация: имена, адреса, телефонные номера, даты просрочки. Это напомнило мне мою собственную таблицу о поиске работы. Информация была организована схожим образом и мало что значила. У меня имелся студенческий кредит на несколько тысяч долларов в общественном колледже, который тоже жил в ячейке какой-то таблицы.

Я переместил файл в корзину. Купил билет на самолет до Нью-Йорка. Работу я так и не нашел, но собирался разобраться с этим, когда прилечу. К тому же не так уж и важно, где быть безработным.

В итоге склонность Марго к спорам в офисе «Нимбуса» обернулась против нее. По крайней мере, так считала сама Марго. Независимая компания провела исследование демографических характеристик пользователей «Нимбуса» и об-

---

⁷ «Меняться шезлонгами на “Титанике”» – выражение, характеризующее бесполезные действия в попытке отсрочить неизбежное.

наружила, что среди них необычайно много афроамериканцев.

– Можно назвать их «черными», – сказала Марго.

Мужчина из консалтинговой фирмы – а их было двое, оба высокие белые блондины лет тридцати – сказал, что им комфортнее называть этот демографический показатель «афроамериканцы». Так люди обозначали себя в исследовании.

Марго настаивала:

– «Черные» – более инклюзивное понятие.

Ее проигнорировали. Но результаты исследования шокировали директоров «Нимбуса», в большинстве своем белых. Сервис, который они создали, использовался людьми, преимущественно не похожими на них. Стало ясно, что это воспринято негативно. Это была проблема, и они пытались найти слова, чтобы ее объяснить.

Марго, естественно, заключила, что «Нимбусу» нужно работать над свойствами, которые больше привлекают черных людей. Компания должна нанять больше черных менеджеров по продукту, черных программистов, может, даже черных руководителей. Участники совещания, в основном белые, не приняли предложение Марго благосклонно, скорее оно стало для них оскорблением. Финансовый директор, британец лет пятидесяти, прежде работавший в банке, сообщил Марго с той снисходительностью, которая только усугублялась британским акцентом, что «Нимбус» начинает новый раунд финансирования, а продукт, который понравился

афроамериканцам, «всего лишь двенадцати процентам населения США, если вы помните», никогда не понравится инвесторам.

Генеральный директор, еще один белый мужчина, попытался смягчить удар, заявив, что афроамериканцы в целом беднее остального населения, а следовательно, это менее ценная демографическая группа, чем те, кто обладает более высоким располагаемым доходом.

Второй консультант пролистывал слайды, чтобы подвести к выводу. Если пользовательская база «Нимбуса» будет расти только в секторе афроамериканцев, бизнес разорится через шесть месяцев.

И тут Марго понесло. Она встала с места и начала кричать – в голосе звучало разочарование, недоверие, возражение. Одно дело говорить, что черные люди менее ценны, чем все остальные. Для нее обиднее было услышать, что черные люди не достойны технологий.

Выйдя с совещания, Марго нашла меня на рабочем месте и попросила пройти с ней в коридор за пределами офиса. Когда мы скрылись от сотрудников «Нимбуса», Марго обняла меня и начала всхлипывать. Я еще не понял, что случилось. Она только повторяла: «К черту эту работу», снова и снова. Я неловко гладил ее плечи и говорил, что все наладится. Марго вжалась лбом в мое плечо, и мы обнялись крепче. Мы никогда прежде не обнимались, и я удивился, насколько естественным это ощущалось. Ее плач длился недолго, макси-

мум минуту, и, закончив, она отступила, поблагодарила меня и направилась в туалет привести себя в порядок. Я остался там, пораженный ощущением близости, не понимая, что произошло.

На Марго написали несколько жалоб в отдел кадров за срыв совещания. Некоторые сочли ее тон неуважительным и враждебным, другие заявляли, что ее поведение было агрессивным, особенно по отношению к белым людям в офисе. После того как Марго наконец отпустили, само событие нигде не упоминали. Словно ничего и не было, кроме «припад-ка» Марго на рабочем месте.

– Может, так оно и было, – сказала она. – Ничего ведь теперь не докажешь.

Так выглядит расизм на работе. Его можно почувствовать всем своим естеством – головой, сердцем, нутром, – но никогда не сможешь доказать. И даже это не самое худшее. В баре, всего за несколько часов до того, как мы пошли воровать пользовательские данные «Нимбуса», Марго признала, что сыграла им на руку. Она расстроилась, решила высказаться и внезапно стала той, кого в ее лице всегда ожидали увидеть белые мужчины, – злобной черной женщиной.

– А что было делать? – задавалась вопросом Марго. – Вообще ничего не говорить?

Я не понимал, почему она спрашивает меня. Не существовало вселенной, в которой я знал бы ответ.

Я часто ходил в кино один. В Нью-Йорке легко быть одному, ведь тут так много людей. Сидишь в темном зале пару часов с незнакомцами. К тому же чем дольше я оставался в квартире, тем больше меня соблазнял ноутбук Марго.

Как и многие здания в городе, кинокомплексы на Манхэттене построены вертикально. План кинотеатра напоминает лабиринт эскалаторов. Легко купить один билет и провести остаток дня, заглядывая на показы других фильмов. Но оказывается, если смотреть по три-четыре картины за выходные, увидишь почти все, что идет в кино, даже в городе, в котором показывают все фильмы. Так что я начал их пересматривать. Не потому даже, что они мне нравились. Главное, пока я смотрел фильм, мог больше ни о чем не думать.

У меня мало что происходило на выходных, и я начал проводить в мультиплексе весь день. Как-то в субботу, проснувшись рано и не сумев снова заснуть, я направился напрямик в кино. Пришел в девять утра, за час до первого сеанса. Просто ждал снаружи, пока не впустили. Первым в программе стоял детский мультфильм, он меня не интересовал, но я все равно его посмотрел. Спустя полтора часа я прошмыгнул на историческую драму – я видел ее дважды, – а потом на новый боевик, который не видел, но уже пропустил первые полчаса. Когда он закончился, я обнаружил, что следом снова прокрутят его же, отсидел пропущенные тридцать минут и остался до конца. И опять я слонялся от зала к залу, пока не осталось сеансов. Вышел из здания в темноту. Поехал до-

мой, а наутро повторил все заново.

Первый день в кино достаточно меня отвлек. Но на второй день я покинул кинотеатр с новым ощущением пустоты. Возможно, я просто был голоден, питаюсь одним попкорном. Путь в подземке до дома, из Мидтауна до Астории, долг, а было уже за полночь. Все греческие рестораны закрыты. Я брел мимо малоэтажек. Большинство зданий в Астории относились к «довоенным» – этот термин я всегда находил странным, будто события происходили только до или после войны, единственной за всю историю человечества.

Придя домой, сразу заказал индийскую еду, которой с избытком хватило бы на двоих, решив проявить вежливость и угостить соседа. Но где-то в промежутке между заказом и доставкой он ушел. Я был благодарен за одиночество, хотя и не понимал почему, ведь я и так был один. Я не общался ни с кем уже много дней. И я съел все сам.

Причина, по которой люди не объедаются индийской едой навывнос поздно ночью, – никто не хочет проснуться в четыре утра с ощущением, будто твой кишечник вот-вот развернется прямо в постели. Я бросился в туалет – к счастью, вовремя. Мне не хватило времени опустить стульчак, так что я неудобно устроился на краю унитаза, пытаюсь не вспоминать, как давно я его чистил.

Я вернулся в постель, но не мог заснуть. Было темно, до рассвета оставалась еще пара часов. В квартире никогда не

бывало комфортной температуры. В ней всегда стояла жара, даже зимой. Отопление контролировал комендант, который просто включал его на полную мощность, превращая все здание в липкую, влажную баню. Но летом было еще хуже. Я не накопил денег на кондиционер и каждую ночь лежал в кровати в поту. Ворочался. Таращился в телефон. Пытался натянуть одеяло на голову.

И раз уж я мучился от жары, ощущая, как калории испаряются с моего тела, можно было сделать еще одну мучительную вещь, которую я все откладывал. В темноте я отыскал ноутбук Марго. Нащупал его на столе – гладкие твердые края впились в мои ладони. Открыл крышку, синий свет зажегся почти как в мультфильмах, когда устрица раскрывает створки, чтобы показать то, что зреет в ней.

Компьютер снова запросил логин. Пароль Марго горел в моей памяти. Я осторожно напечатал *M4v15B34c0n* и нажал ENTER. Много недель я раскаивался, что забрал ноутбук Марго против воли Луизы. Но она дала мне задание – деактивировать профиль Марго, и это меньшее, что я мог для нее сделать. Я открыл браузер и начал набирать фейсбук, но ввел лишь «f» и «a», а браузер дополнил адрес, предложив вместо этого вебсайт под названием «Фантастическая планета».

Я исправил на фейсбук, снова ввел *M4v15B34c0n*, сработало – и внезапно увидел ее профиль. У нее было два десятка непрочитанных сообщений. Вошел в ее мессенджер.

Это оказались не старые, проигнорированные сообщения.

Все отправлены за последние недели. Отправителей я не знал, но сообщения были почти одинаковые. Что-то вроде «Я очень по тебе скучаю, но знаю, что Господь теперь заботится о тебе». Смешные истории про Марго. Писали родственники, университетские знакомые. Никто из них не присутствовал на похоронах, насколько я мог судить.

Я не понимал, зачем кому-то писать Марго после ее смерти. Это выглядело странно показушным, только вот на деле было совершенно – насколько они знали – интимным. Послания оставили во мне чувство опустошенности, хотя, возможно, виной тому освободившееся после двух порций индийской еды место в желудке.

Одно сообщение привлекло мое внимание. Снова незнакомое имя. Белый парень, из типичного «университетского братства». Я предположил, что они с Марго вместе учились в колледже. На фото профиля он пил пиво на яхте, глаза скрыты темными очками, вид его выражал в равной степени высокомерие и самодовольство – плохой типаж белого парня, человек, с которым Марго ни за что не подружилась бы.

В послании написано: «Ты всегда была стервой, но я буду скучать».

Какого черта? Какое утешение получал этот человек, называя Марго стервой после ее смерти? Я уже хотел ответить ему, что он козел. Тревожный знак, когда призрак посылает вас к черту. Может, послание было какой-то шуткой для своих. Может, парень был настолько близок к Марго, что мог

называть ее стервой? Я не хотел думать об этом. Удалил сообщение.

Я тянул время.

Когда учетная запись на фейсбуке удаляется навсегда, ее невозможно восстановить. Вы уверены, что хотите навсегда удалить свой профиль?

У фейсбука мрачный язык. Будто бы окончательное удаление серьезнее смерти. Я нажал ДА.

Когда вы сделаете это, пути назад не будет. Пожалуйста, поставьте галочку в следующем поле для подтверждения.

Я поставил галочку.

Вы ведь знаете, что делаете?

Я знал.

Вы точно-точно уверены?

Я не был уверен, но все равно продолжил.

УБИЙСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.W

Главные вовсю обсуждали ежеквартальные показатели, когда Дэниел ввалился на совещание, истекая кровью, которая хлестала из огромной дыры в груди.

– Ты тут все перепачкаешь, – сказал главный технический директор.

– Фу, всю мою рубашку заляпал! – гаркнул главный финансовый директор, сгребая в кучу свои распечатки,

пока Дэниел не окропил их изливавшимися из него жидкостями.

Тут вмешался генеральный директор.

– Это совершенно неуместно. Дэниел, приведи себя в порядок, – потребовал он, прежде чем приказать главному финансовому директору продолжать презентацию.

Тот постарался не нервничать из-за помехи. Кликнул указкой, и на экране появился следующий слайд.

– Как видите, убийства выросли на одиннадцать процентов по сравнению с предыдущим годом, что лишь слегка недотягивает до нашей цели в тринадцать процентов, – объявил он, беспокоясь, что слушатели будут разочарованы.

Гендиректор вмешался:

– Нам нужны вызовы в нашей работе. Тот факт, что мы наблюдаем двузначный рост в ЭТОЙ экономике, весьма впечатляет.

Зал вежливо поаплодировал, признавая достижение. Затем гендиректор встал, чтобы еще больше подчеркнуть, как велик этот показатель. Главный технический директор, главный маркетинговый директор, директор отдела контроля производства и прочие начальники последовали его примеру – встали и захлопали. Дэниел продолжал истекать кровью на столе.

– Кто-нибудь вызвал врачей Дэниелу? – спросил главный технический директор.

Главный маркетинговый директор достал телефон и вызвал врача, а потом кивнул главному техдиректору,

что все под контролем:

– Будет минуты через две.

Главный финдиректор перешел к следующему слайду:

– Мы объясняем этот годовой прирост в одиннадцать процентов двумя факторами: во-первых, повышением эффективности убийств, что, очевидно, тесно связано с развитием наших технологий и производственных процессов, которого достиг главный технический директор. – Главный финдиректор кивнул главному техдиректору, тот улыбнулся в ответ, признательный за упоминание. (Главный финдиректор знал, что это пригодится позже.) – Мы не просто убиваем больше, мы делаем это хитрее. Это и помогает нам опережать конкурентов.

Следующий слайд.

– Вторая причина, по которой нам удастся поддерживать уверенный рост убийств, – мы все лучше управляем нашими убийцами. Все убийцы должны соответствовать строгим стандартам, убийц сравнивают, чтобы вызвать в них чувство соперничества. Мы поощряем хорошую работу бонусами и наказываем – простите, это неподходящее слово.

Главный финдиректор махнул в сторону Дэниела:

– Скажем так: мы не поощряем плохую производительность.

Как по команде, Дэниел застонал, затем булькнул, закашлялся и выплюнул лужицу крови на стеклянный

стол для совещаний. Зал разразился хохотом.

– Я... был... я попал в засаду, – слабым голосом проговорил Дэниел.

– Эта неудача скажется на ежедневной статистике Дэниела, которую мы отправляем ему по почте каждое утро, – объявил главный финдиректор.

Наконец появился врач. Он извинился за вторжение, схватил Дэниела за ноги и поволок его обмякшее тело к двери. Перед тем как исчезнуть, врач попросил окружающих быть поосторожнее с размазанной по полу кровью – не дай бог кто-то поскользнется и получит серьезную травму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.